

ЮЛИЯ ПЕТРОВА

ИНЯЗ

Юлия Петрова

Иняз

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21235697

ISBN 9785448323218

Аннотация

Студенческое общежитие – это веселые вечеринки, свидания и новые друзья? Как бы ни так. Ожидания Ольги – студентки второго курса факультета иностранных языков – разбиваются о малопривлекательную действительность. Вместо дружеских посиделок – интриги соседок по комнате, вместо интересных знакомств – подбирающийся все ближе маньяк. Разумнее затаиться или бороться с обстоятельствами? Оле придется искать ответ на этот вопрос самостоятельно.

Содержание

1	5
2	14
3	17
4	24
5	33
6	38
7	44
8	55
9	60
10	64
11	82
12	87
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Иняз

Юлия Петрова

© Юлия Петрова, 2018

ISBN 978-5-4483-2321-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Подумаешь, лифт не работает! Когда сердце поет, а внутренний голос ликующе скандирует «сво-бо-да, сво-бо-да», то до восьмого этажа можно легко добежать вприпрыжку по лестнице. Мне одной – единственной из группы – дали место в общежитии. Не иначе как в расчет принимали успеваемость, а не то, насколько далеко от универа живут студенты. Вон, Олеська из другого города приезжает, – каждый день в 6 утра встает.... Зато у меня ни одной тройки в зачетке.

Больше не буду стеснять тетю. Мамина сестра, небось, довольна как слон: им с дядь Васей не нужно больше тушеваться, и они смогут вечерами всласть орать друг на друга и материться. А то им, бедным, пришлось весь год терпеть – только-только тетя Вера в раж войдет, только начнет освобождаться от стресса, накопившегося за день, как дядя зашипит: «Ты что, полоумная. Оля заикаться у нас начнет». Вот смешные! Будто я первый год на свете живу.

Я смогу гулять хоть до утра. Я смогу завести новых друзей. Я смогу-гу-гу-гу... все, что захочу.

Вот и восьмой этаж. В узком коридоре полумрак. Это потому что окно далеко, а свет не включен. Дверь в комнату 802 оказалась второй от лестницы. Я постучала. Мне открыла лохматая девушка, которая смотрела на меня так, будто

собиралась спустить меня с лестницы.

– Привет!

Я улыбнулась приветливо-приветливо, словно продавец бытовой техники, который шляется по квартирам в надежде сбавить никчемное китайское барахло.

Выражение лица лохматой девушки не изменилось.

– Мне дали место в этой комнате. Меня Оля зовут.

Я сделала еще одну попытку растопить лед с помощью лучезарной (ну, во всяком случае, скулы у меня свело) улыбки.

Девушка молча исчезла, оставив дверь приоткрытой. Я расценила это как приглашение войти.

Я никогда раньше не была в общежитских комнатах, но именно так их себе и представляла. Три кровати, тумбочки и большой стол. Облупленная рама окна, потертые обои, пол из крашеных досок. Пластмассовый плафон на потолке у окна, палас в «бабушкином» стиле посреди комнаты, книги на полке и стопка журналов прямо на полу в правом углу. Разномастные постеры (я сразу догадалась, что они скрывают дырки на обоях), холодильник «Смоленск», завешанный шторкой шкафчик. Романтика.

Лохматая девушка забралась с ногами на постель.

– Где у вас тут свободная кровать? – я все еще пыталась изображать мисс Приветливость и Дружелюбие.

Девушка молча указала на самую дальнюю от окна постель – ту, что у холодильника.

Мне здесь не рады, или я придираюсь?

– А как мы решим с ключом? Я завтра переезжаю, после третьей пары за вещами поеду. Вахтерша сказала, что третий ключ от комнаты заказывать придется. Так что не раньше следующей недели мне его выдадут.

У меня возникло ощущение, что я сама с собой. А ведь и правда, эта лохматая так еще и не произнесла ни слова.

Мне почему-то бросились в глаза розовые тапки с помпонами уже битый час разговариваю ровно, словно по линейке, поставленные под кроватью молчуньи.

– Мы с Ларисой оставим ключ на вахте, если уйдем завтра, – наконец подала голос моя потенциальная соседка по комнате.

– До завтра, – я снова широко улыбнулась на прощание.

Лохматая пробормотала «Пока», когда я закрывала за собой дверь. Впрочем, может быть, мне и послышалось: не исключено, что она пробормотала «Пошла ты...» мне в след.

На следующий день после третьей пары я поехала к тете за вещами. Сумку я собрала заранее – огромную красную сумку, которую пришлось чуть ли ни волоком тащить до троллейбусной остановки. Можно было бы взять такси, но когда на горизонте виднеется новая жизнь с неведомыми, но такими привлекательными возможностями, разве следует тратить деньги на такси. Да и денег то, выданных мамой на две недели, оставалось не так уж и много.

В этот раз лифт, к счастью, работал. Я ехала в обшарпанной зеленой кабине и нервно хихикала, представляя, как бы

я выглядела, если бы мне пришлось тащить сумку по лестнице. Я почти не переживала о том, как меня встретят в 802-й. В конце концов, может, и дело-то было не во мне. Вдруг в прошлый раз у лохматой зуб болел или критические дни никак не начинались.

Я с шумом бухнула сумки у двери в 802-ю комнату. В воздух поднялось облако пыли. Я чихнула, потом тихонько постучала костяшками пальцев. Тишина. Я забарабанила в дверь кулаком. За спиной послышался скрип. Я обернулась и увидела, что из комнаты напротив выглянула полненькая девушка с черными крашеными волосами.

В течение нескольких секунд мы молча рассматривали друг друга.

– Тебя к Ирке и Ларисе подселяют?

Догадливая.

– Да, – ответила я и почувствовала, что это превращается в традицию – стоять вот так, возле двери в 802-ю комнату, и приветливо улыбаться.

– Они вроде бы с пар уже вернулись. Смеялись на весь коридор, я слышала. Попробуй еще постучать. Может, спят.

Я снова забарабанила кулаком в дверь. На рукав куртки что-то посыпалось. Побелка с потолка что ли?

– Наверное, ушли куда-то.

Девушка пожала плечами и скрылась в комнате, захлопнув дверь.

Только теперь я вспомнила, что Ира (оказывается, лохма-

тую зовут Ира) обещала оставить ключ у вахтерши, если они с Ларисой уйдут.

Тащить сумку к лифту не хотелось. Но никто и не обещал, что будет легко. Вон, тетя Вера даже всплакнула, когда я ей про общежитие сказала (хотя, может, это она от радости).

Вахтерша, колоритная тетка в платке, повязанном на манер Солохи из «Вечеров...», встретила меня неприветливо. Сдвинув брови так, что складка между ними показалась трещиной, она сделала мне выговор. После каждой фразы вахтерша на секунду сжимала губы в еще одну трещину, только ярко малиновую.

– Ты почему в лифт заскочила, вместо того чтобы зарегистрироваться в журнале посетителей? – вопрошала она. – К кому ты пришла? Ты знаешь, что посторонние не имеют права разгуливать по общежитию. Тебе здесь что, вокзал, что ли?

Я подождала, пока она выпустит пар, потом подала пропуск.

– Почему сразу не показала, когда я тебя окликнула?

– Я не слышала, извините. Можно мне ключ от 802-й?

Вахтерша повернулась к выдавшей виды красной деревянной доске с гвоздиками, на некоторых из которых висели ключи.

– Нет тут ключа от 802-й. Он у твоих соседок на руках.

Солоха уселась за стол в своей застекленной камерке и взяла в руки газету. Мол, все, свободна.

Я решила подождать в холле – может, девчонки за хлебом вышли. От нечего делать я рассматривала помещение: бледно-розовые стены (у меня кожа после зимы точно такого цвета бывает), доска с правилами общежития (судя по безмерному количеству бумажек, правила сочиняла Солоха), стульчики вдоль стен (а-ля утренник в детском саду), кадка с ветвистым растением в углу (как оно там, в темноте, умудряется ветвиться-то).

Нет, видимо, Ира с Ларисой ушли не за хлебом.

Стервы.

К следующему дню полагалось учить слова, делать упражнения по грамматике и готовиться к семинару по лексикологии. Я начала нервничать.

Было бы недурно сбегать пока в студенческую столовую. Ведь я не обедала после пар. Однако тащиться туда с сумкой не хотелось, а в то, что Солоха согласится посмотреть за вещами, я не верила. У меня в воображении, как наяву, прозвучал ее голос:

– Я еще и за чужие вещи отвечать должна?!

Я встала и принялась мерить шагами расстояние от своего стула до кадки с ветвистым растением. Ровно пять шагов. Назад почему-то шесть.

После того как я перепроверила расстояние в десятый раз, Солоха за стеклом подняла голову от газеты и пристально посмотрела на меня поверх очков.

Я уселась на стул. Наконец, мне пришло в голову, что сло-

ва-то можно учить прямо тут в холле. Пришлось перерыть всю сумку, чтобы найти нужную тетрадь.

Итак, тематика «В ресторане». Хмм... Актуально.

cold platter – мясная нарезка

pork chop – свиная отбивная

steak – тушеная говядина

ox tongue – говяжий язык...

Я повторяла про себя слова и ненавидела соседок по комнате. Повторяла и ненавидела. И это при том, что с Ларисой мне еще не доводилось встречаться.

Когда я увидела, как лохматая Ира (правда, в тот момент ее хвост был завязан аккуратно) вместе с коротко стриженной брюнеткой вошли в холл, я еле сдержалась, чтобы не швырнуть в них свою тяжелую тетрадь.

– Добрый день, – поприветствовала я вошедших голосом, в котором, как я надеялась, металл звучал достаточно отчетливо.

– Привет, – отозвалась Ирина. – Ой, мы забыли ключ оставить.

Она даже не извинилась. Коза.

Я молча взяла свою сумку и прошла к лифту. Ира и Лариса вошли в лифт вместе со мной. До самого восьмого этажа мы не проронили ни слова.

У двери в 802-ю комнату Лариса долго рылась в сумочке, прежде чем извлечь оттуда ключ. Она же и стала первой, кто, наконец, нарушил молчание. Правда, это случилось, когда я

уже выложила учебники стопкой на свою тумбочку и повесила на свободную вешалку в шкаф пару кофт и юбку.

– Ты на втором учишься?

Лариса смотрела на мои учебники.

– Да, а ты? – отозвалась я с некоторым облегчением (я уж думала, так мы и будем молчать весь учебный год).

– Мы с Ирой с четвертого.

– А кто здесь до меня с вами жил?

Я решила проверить одно предположение.

– Весь прошлый год – никто.

Я так и думала. Я притащилась, и им придется делить комнату с незнакомой салагой. Вот откуда неприязнь. Ничего, прорвемся.

Однако обдумывать ситуацию на голодный желудок не хотелось.

– Я в столовую. Вы куда не собираетесь?

– Нет, – отозвалась Ира.

Ну и славно.

Студенческая столовая находилась через дорогу от моего корпуса общежития. Я в две минуты покрыла расстояние до нее – голод не тетка. За столиками не оказалось ни единого студента. Наверное, это потому что было уже 4:30. Я порадовалась: по крайней мере, успела до закрытия. После 5 мне бы пришлось довольствоваться чебуреками из ларька рядом со столовой, а от них у меня неизменно болел живот.

Я чувствовала себя такой голодной, что заказала весь комплект – и суп, и макароны с котлетой, и компот. Поток мыслей вернулся в русло природного оптимизма уже после супа, а после компота даже два немощных цветка в горшках на окне столовки стали казаться радующими взор украшениями интерьера.

Оптимизм чуть не испарился, пока я барабанила в 802-ю. Я колотила в дверь пару минут. Наконец, замок щелкнул, и Лариса впустила меня.

Игра в молчанку продолжилась. Впрочем, Ира что-то писала в тетради, сидя за столом у холодильника, а Лариса читала учебник, устроившись на кровати. Я достала из стопки на тумбочке тетрадь с лексикой и продолжила учить слова по теме: «Ресторан». После похода в столовую процесс больше не вызывал дискомфорта.

2

Прошло уже три дня, а жизнь в общеаге так и не превратилась в вожденную яркую феерию с новыми друзьями, приключениями и гулянками. По рассказам Таньки, моей подружки, обучающейся в техническом ВУЗе того же города, общежитие мне представлялось средоточием бурлящего веселья. Я начала мучиться вопросами. Танька сочиняет все эти невообразимые истории про свою общеагу? Или может, все дело в том, что в общеаге литфака и иняза такие истории не могут происходить по определению? Или они происходят, но я тут все еще чужая, поэтому остаюсь в стороне?

Впрочем, Лариса и Ира вроде бы тоже жили спокойно и размеренно: после пар возились на кухне, потом готовились к следующему учебному дню. Вечерами, правда, они нередко уходили посидеть на лавке перед корпусом или к соседкам в 803-ю. Однако ничего похожего на вечеринку там, насколько я могла судить, не происходило.

Мы по-прежнему общались сквозь зубы. Нет, это они общались сквозь зубы. Я пыталась быть доброжелательной по мере сил. Сначала, по крайней мере, у нас была тема для дискуссий – ключ: во сколько они вернутся с пар, ну, и все в таком духе. Как только я получила свой собственный ключ, нам с Ирой и Ларисой разговаривать стало совсем не о чем.

Я надеялась, что после того как я съезжу домой за про-

дуктами, мы будем вместе готовить на кухне обед и ужин, – так и подружимся. Пока же я ходила обедать в столовую, а на ужин обходилась творожком или йогуртом. Какая польза для фигуры! Это не то, что тетя Верина картошка с мясом или макароны с котлетами на ночь глядя.

В пятницу в моей новой общежитской жизни, наконец, произошло кое-что, напоминающее приключение. Я обедала в столовой и почти уже справилась с толченкой, когда за мой столик присел молодой человек. Очень крупный молодой человек. Нет, не толстый. Просто очень высокий и широкий в плечах.

– Свободно? Можно с тобой пообедать?

Я кивнула.

В правой половине зала еще оставались свободные столы. Я отметила про себя этот факт, и почему-то у меня поднялось настроение. Пятничный пряник для самооценки.

Парень переставил тарелки с подноса на стол, отнес поднос в мойку и снова уселся напротив меня.

– Ильдар, – объявил гигант.

Я даже не сразу сообразила, что это он представился. Черные волосы до плеч, лицо необычное. Может, азиат? Азиат Ильдар.

– Оля, – ответила я.

– Первокурсница что ли? Не видел тебя раньше.

Я даже обиделась немного.

– Второкурсница. Я в общежитии только на этой неделе

поселилась, а раньше у родственников жила.

– Понятненько. И в какое же ты общежитие вселилась, если не секрет?

– В корпус, где литфак и иняз обитает.

– А ты в какой комнате обитаешь? Вдруг загляну когда-нибудь, поближе познакомимся.

Ильдар улыбался обезоруживающе – так, что было непонятно, шутит он или вправду напрашивается в гости.

Я решила, что шутит.

– Я в 802-й живу с двумя девчонками. Заходи, конечно. Только тебя вахтерша не пустит.

– Да я тут всем вахтершам как родной. Я аспирант с истфака. Мне домой в Уфу далеко ездить, поэтому я почти все время в общежитии ошиваюсь.

– Ну, так значит, заходи как-нибудь в гости. На выходных я к родителям поеду, а так – в любое время заходи.

Я улыбнулась Ильдару и начала собирать свою посуду со стола. Аспирант мне улыбнулся в ответ – хитренько так, по-азиатски.

3

В предвкушении долгожданного действия – совместного с Ларисой и Ирой приготовления ужина на кухне общежития – я перестаралась. Сумка с продуктами выглядела так, будто я собираюсь в лес на зимовку. Мама повесила этот неподъемный баул на руль велосипеда, и помогла мне доставить багаж до электрички. А вот потом пришлось помучиться. До троллейбусной остановки я тащила сумку минут, пожалуй, 20. А ведь остановка была совсем рядом.

Я посмотрела на красные-красные ладони и потянулась за телефоном, чтобы вызвать такси. Я так и не достала телефон. В конце концов, все эти морковки-картошки стоят меньше, чем мне пришлось бы заплатить за такси до общаги. В чем смысл-то тогда?

Подошел троллейбус. Я почти волоком подтащила баул к краю платформы. Какой-то мужчина молча забрал у меня сумку и внес в салон.

– Огромное спасибо.

Я улыбнулась настолько чарующе, насколько могла улыбнуться девушка со стертymi до мозолей ладонями и руками, вытянувшимися до колен (по ощущениям). Если честно, я лелеяла надежду, что мужчина поможет мне потом выбраться с багажом из троллейбуса. Однако добрый дядя вышел уже через две остановки.

По дороге в общежитие я поклялась себе, что если лифт не работает, то я во что бы то ни стало упрошу вахтершу оставить у нее в коморке мой баул. Даже если вахтершей окажется Солоха. Клубничного варенья не пожалею. Слезу пу-
щу.

Плакать не пришлось, и варенье осталось со мной – лифт работал. Когда я открыла дверь и ввалилась с треклятой сумкой в 802-ю, Лариса с Ирой как раз собирались на кухню. Ира держала сковороду, а Лариса тянулась к полке над столом за маслом.

Видимо, мое появление оказалось слишком шумным и внезапным – Лариса уронила с полки банку с солью.

– Привет, – поприветствовала я соседок по комнате.

– Привет, – буркнула Ира и отложила сковороду в сторону.

– Ты уже приехала? – спросила Лариса.

– Нет еще, – пошутила я.

Шутка не имела успеха. Ира и Лариса сосредоточено собирали соль со стола и ссыпали ее обратно в коробочку.

– Вы картошку жарить? Может на троих сообразим? Я продукты привезла.

– У нас сковорода как раз на двоих, мы не рассчитывали втроем жить, – ответила Лариса и мило улыбнулась. Так мило, что у нее, наверное, зубы свело.

Они-не-рас-счи-ты-ва-ли-втро-ем-жить.

И тут я вспомнила, что вот как раз сковороду и не привез-

ла из дома. Я решила, что отварю макароны и съем их с кабачковой икрой. Только вот идти на кухню с соседками мне почему-то уже совсем расхотелось.

Я переоделась, разобрала сумку, повалилась минут 15 в кровати и только потом отправилась готовить ужин. Кроме Ларисы и Иры на кухне вертелась еще одна девушка – пухленькая блондинка с заспанным лицом.

Все четыре конфорки были заняты.

– У меня пельмени сварятся через минуту, сюда сможешь поставить, – блондинка кивнула на конфорку у стены.

Я улыбнулась ей, а затем уселась на подоконник. Уселась и кастрюльку на коленки поставила.

– Ты недавно вселилась, наверное? – спросила блондинка.

– Да. Меня Оля зовут.

– А меня Настя. Я из 805-й.

Я сидела на подоконнике, болтала ногами и радовалась, что, оказывается, здесь в общежитии не закрытая клановая структура. А то я уже начала опасаться, глядя на своих соседей. Я радовалась, пока не заметила, как Лариса и Ира переглянулись, и вид у них при этом был такой, будто им червей в сковородку накидали.

Настины пельмени сварились, она взяла кастрюлю, закрыв ручки свернутым в несколько раз полотенцем, и ушла. Я поставила воду.

Вот и свершилось – я готовила ужин вместе со своими соседками по комнате. Только мы за все время, проведенное

в кухне, не произнесли ни слова.

Я рассердилась. С какой это стати я решила, что должна добиваться их дружбы. Весь вечер я готовилась к парам понедельника и не обращала на Иру и Ларису никакого внимания. И на часы тоже не обращала внимания. Иначе как так могло получиться, что на мобильнике вдруг откуда ни возьмись появились цифры 23:18, а пересказ к практике речи у меня еще не был готов.

В 23:30 на соседок пришлось обратить внимание поневоле – Ира объявила, что им в понедельник предстоит вставать к первой паре, и они хотят выспаться. Мне ничего не оставалось, как взять с собой сборник с рассказами Фитцджеральда и дуть в кухню.

Я во второй раз за день забралась на кухонный подоконник. Хоть в этом-то состояло преимущество обучения на инязе – рафинированные девочки не кушают по ночам, а значит, можно было надеяться, что в тишине и покое я быстренько подготовлю пересказ.

Как оказалось, я ошиблась. Нет, не по поводу рафинированных девочек иняза, а по поводу тишины и покоя. Я уже прочитала «Первую кровь» и, прежде чем попытаться пересказать, размышляла над тем, что же заставило Фитцджеральда сделаться таким женоненавистником. Мы уже разобрали три его рассказа, и в каждом из них представительницы прекрасного пола оказывались первосортными стервами. Все, как на заказ. Прямо по три стервы на квадратный метр.

Девочка в дверях появилась внезапно – я не слышала, как она шла по коридору. Милый ребенок 5—6 лет с черными кудряшками заставил меня вскрикнуть, как будто я увидела приведение. В голову полез всякий бред: «Звонок», «Проклятие»... Ночью вечно всякая чушь мерещится.

Однако я все же сумела взять себя в руки.

– Привет!

Где-то в глубине сознания мелькнула мысль, что я становлюсь профи в умении скрывать за широкой-широкой улыбкой все что угодно.

– Привет, – ответила девочка, но не улыбнулась в ответ.

Она по-прежнему стояла в дверях, уставившись на меня своими карими глазками.

– А почему это маленькая девочка не спит в полночь? – спросила я и почувствовала, как у меня пошли мурашки от моего же собственного вопроса.

– Мама к парам готовится, а мне не спится. Меня Люба зовут, а тебя?

– Оля. У тебя мама на инязе учится?

– Нет, моя мама студентов на литфаке учит.

– Вы, что же, в общежитие живете?

Я задала свой глупый вопрос, и мне показалось, что, хотя даже и тени улыбки не появилось на лице малышки, в ее глазах сверкнул насмешливый огонек.

– Да, на девятом этаже, в 905-й комнате. А ты мамина студентка?

– Нет, я не литературу изучаю, а иностранные языки.

– Нравится? – неожиданно по-взрослому спросила Люба.

Я задумалась.

– Да, без знания языков в наше время не обойтись.

«Она, вообще-то, спрашивала, нравится ли мне», – подумала я, но так и не нашлась, что прибавить к сказанному.

– Ты будешь учительницей иностранных языков? – не унималась девочка.

«О, бог ты мой, вот уж как не хочется на ночь глядя об этом думать».

– Ну-у, ты знаешь, необязательно же становится учительницей. Я могу выбрать другую какую-нибудь профессию. Мне, вообще-то не очень хочется быть учительницей.

– А зачем ты тогда в педагогическом учишься? – искренне изумилась Люба.

«Действительно, зачем?»

– Я бы хотела журналисткой стать, но поблизости нет ВУ-Зов, где на журналистов учат. А высшее образование ведь в любом случае необходимо.

Люба ничего не ответила. Наверное, не поняла ничего.

– Тебя мама искать не будет? – спросила я ее. – Хочешь, я тебя на девятый этаж провожу?

– Не надо. Я сама быстренько добегу. Пока, Оля.

Я лишь успела проговорить ей вслед «Пока». Топот маленьких сандаликов слышался уже на лестнице.

Я кое-как домучила Фитцджеральда и отправилась спать.

В постели я долго ворочалась, раздумывая о том, о чем не хотела раздумывать... ну хотя бы еще пару лет. Впереди у меня оставалось почти четыре учебных года – уйма времени, чтобы решить, кем я хочу быть. До сих пор мне вполне успешно удавалось заглушать смутное беспокойство по этому поводу. Надо ж было Любе растревожить это самое беспокойство на ночь глядя.

4

Приближались вторые выходные новой общежитской жизни. Я грустила. Все шло совсем не так, как мне представлялось. Я даже не отметила новоселье. Да и с кем? С Ларисой и Ирой, которые со мной почти не разговаривают?

Я подумала, что могла бы, по крайней мере, пригласить в гости Таньку. Соседки на выходные собирались уехать домой, а значит, комната останется в полном моем распоряжении на целых два дня. Я позвонила Таньке.

Она тоже планировала провести выходные в городе – в субботу намеревалась пойти на дискотеку. Мы договорились, что она заедет на пару часов ко мне, а потом мы вместе рванем в клуб.

Я приободрилась. Меня даже не пугало предчувствие, что в клубе я потрачу все оставшиеся на неделю деньги. В конце концов, зачем волноваться, если под кроватью лежит картошка, а на полке в холодильнике – банка с кабачковой икрой и треть банки тушенки. И это еще, если не считать свеклы, из которой, по правде говоря, я не знала, что приготовить.

В субботу вечером меня ждал сюрприз: Танька позвонила ровно в 19:00 и сообщила, что их не пропускают ко мне на вахте. Я не стала уточнять, кого это – их, хотя и была заинтригована. Я быстренько сбежала вниз по лестнице. В хол-

ле все пять стульев оказались заняты: на них сидели четыре дюжих молодца и Танька.

Прежде чем я успела произнести хотя бы слово, из застекленной каморки раздался голос Солохи: спокойный такой голос, как у змеи. Я не знаю, почему я сразу подумала про змею. Я в курсе, что пресмыкающиеся безмолвны. Просто услышала Солоху, и сразу представила змею, вкрадчиво шипящую из норки.

– Подруга твоя может пройти, если у неё паспорт есть, а парни – нет. Не положено. В комнаты, где девушки живут, не разрешается посторонним парням проходить.

– У меня нет паспорта, есть студенческий, – отозвалась Танька.

– Оставляй на вахте.

– Мальчики, встретимся в клубе, – обратилась Танька к своим спутникам.

– Я чувствую себя пионером в детском лагере, – со смешком заметил один из мальчиков. – Хотел ночью к девочкам в палату пробраться, но засекала вожатая.

Солоха не удостоила его даже взглядом.

Парни ушли, а мы с Танькой поднялись на лифте ко мне в 802-ю.

– Ну, у вас и порядки! – воскликнула подруга, как только мы оказались в комнате. – А в 10:00 не иначе как комендант по комнатам проходит, чтобы удостовериться, что все выключили свет и лежат на правом боку.

– Типа того, – угрюмо ответила я.

Потом я долго и нудно жаловалась подруге, что соседки по комнате меня игнорируют, что студенческая жизнь проходит бездарно, что душ работает пару раз в неделю. Танька внимательно меня выслушала и посоветовала забыть на все и приезжать почаще к ним в общагу, чтобы вволю наслаждаться свободой и весельем.

Вечером, когда я отплясывала в клубе вместе с Танькой и ее одноклассниками, я подумала, что и вправду, лучший выход – забыть на все. Почему это я вообще решила, что общага должна быть сказочно приятным местом? А друзья... друзья у меня и так есть.

Танька веселилась вовсю: дурачилась, весело смеялась, кокетничала со своими спутниками. Нет, я не чувствовала себя лишней. Время от времени подруга подходила ко мне, пританцовывая, чтобы прокричать на ухо что-нибудь по поводу музыки или парней. Да и мальчики из нашей компании заигрывали со мной почти так же активно, как и с Танькой. Только я не умела ловко, как подруга, приседать, извиваясь всем телом. Не получалось у меня и эротично двигаться, прижимаясь плечом к плечу партнера по зажигательному танцу. Когда один из Танькиных спутников брал меня за руки, вместо того, чтобы дерзко смотреть ему в глаза и залившись смехом, я опускала голову. И где только Танька всему этому научилась? В этот момент я ей завидовала больше чем когда-то Белле Свон.

Высокий брюнет – один из Танькиных джигитов – прошептал ей что-то на ухо, и они ушли куда-то вдвоем. Подруга подняла палец вверх и кивнула мне – очевидно, это должно было означать, что она скоро вернется. После ее ухода я еще немного потанцевала, но без Таньки —совсем стушеввалась.

– Я сейчас приду, – бросила я парням.

Я решила найти туалет. Не то чтобы я волновалась, не размазались ли у меня стрелки, – просто захотелось пройтись.

Он перехватил меня у выхода из зала. Совершенно невообразимый тип. Нет. Он не показался бы мне невообразимым, если бы я встретила его на улице, в магазине, в музее. Однако в ночном клубе, где тусуются студенты, он выглядел, как лиса в курятнике: взрослый мужчина (о бог мой, с усами!) в темно-синем костюме с галстуком.

– Я могу пригласить молодую леди на танец?

Я едва удержалась, чтобы не сделать реверанс. Хотя, вообще-то, больше всего в тот момент мне хотелось улизнуть. Однако я почему-то постеснялась поступить невежливо.

Не дождавшись ответа, мужчина взял меня за руку и решительно поволок на танцпол.

– Как тебя зовут? – завел разговор мой партнер, как только мы с ним начали мерно раскачиваться под медленную композицию.

– Оля.

Пока я размышляла над тем, допускает ли этикет возможность отсутствия встречного вопроса, мужчина представил-

ся:

– Петр. Ты студентка, наверное?

Я кивнула.

– И что изучает сие прекрасное создание?

Я начала нервничать, догадавшись, что Петр (ну, надо же, Петр) затеял светскую беседу, чтобы получить повод прижиться лицом к самому моему уху.

– Иностранные языки.

– Ты здесь с подружками?

– С подружкой и друзьями.

Он что-то еще спрашивал, а я отвечала и все думала о том, что звучащая песня какая-то уж нереально длинная.

– У меня великолепная идея – ты сбежишь от своих друзей, и я провожу тебя домой. Встречаемся в 12:00 возле входа в клуб, – скороговоркой проговорил Петр, когда медленная композиция закончилась.

Он заговорщически подмигнул, поблагодарил за танец и стремительно удалился.

Я запаниковала. Маньяк какой-то. С усами. Петр.

Я судорожно соображала. Танька с брюнетом, может, и вообще уже из клуба ушла. А если и нет, то не факт, что они в 12:00 захотят заканчивать вечеринку. К тому же отказывать Петру нужно было сразу, до того как он заговорщицки подмигнул. Бежать. Остается бежать.

Я пошла к тому месту, где еще совсем недавно танцевала с Танькой и ее молодыми людьми. Никого. Музыка поче-

му-то не казалась мне больше зажигательной. Назойливые бумс-бумс мешали сосредоточиться и сообразить, как же все-таки лучше поступить.

Я вновь двинулась к выходу из зала, всё время озираясь в надежде найти Таньку. Подруги нигде не было видно. Я осторожно выглянула в длинный переход, который мне предстояло пересечь, чтобы добраться до гардеробной. Переход служил чем-то вроде кафе: те, кто устал танцевать, или просто хотел пообщаться с друзьями, сидели за столиками, установленными в ряд вдоль коридора.

Так и есть. Петр развалился на диванчике за самым дальним от меня столом. Он задумчиво смотрел в окно, будто бы в темноте за стеклом можно было что-то рассмотреть. Я подумала, что если пройду мимо него вместе с одной из групп то и дело снующих туда-сюда людей, то Петр, может быть, и не заметит меня.

Стайка смеющихся девушек как раз выходила из танцзала. Зря я все-таки не подождала более подходящую компанию. Во-первых, слишком уж громко они смеялись. Во-вторых, Петр явно питал слабость к молоденьким девушкам.

Я старалась не смотреть в его сторону, но боковым зрением видела, что он резко отвернулся от окна.

– Оленька! – услышала я, когда уже было начала надеяться, что проскочила.

Пришлось останавливаться и улыбаться.

– Составите мне компанию?

Вопрос поставил меня в тупик. Что он имел в виду? Предлагал вместе пить бутылку пива, которую он крутил в руках?

Я по-прежнему стояла и улыбалась усатому мужчине, как девочка-имбецил. Мимо меня проходили жизнерадостные студенты в кожаных юбках, рваных джинсах и кружевных платьицах, на которые пошло не больше полуметра материи. А я, как провинившаяся школьница, улыбалась сорокалетнему мужику в темно-синем костюме с галстуком.

– Присаживайся.

Петр кивнул на диванчик напротив него.

Я села, надеясь, что страдание на моем лице читается не слишком отчетливо. И почему это, как только я собираюсь весело провести время, неизбежно вырисовываются какие-то сюрреалистические сюжеты.

– Ты здесь часто бываешь? – поинтересовался Петр.

– Не особенно.

«Вряд ли еще приду», – подумала я про себя, одновременно прокручивая в голове варианты бегства.

– А знаешь, ты, Оля, похожа на мою первую любовь. У нее были такие же, как у тебя густые каштановые волосы, умные карие глаза и, – тут Петр посмотрел на мою грудь, – красивая фигура.

Я похолодела: точно, маньяк.

– А почему «были»? – спросила я и стала внимательно наблюдать за выражением лица собеседника.

– Ну, я не видел ее много лет. Может, сейчас она выглядит

совсем по-другому.

Вроде, глаза у Петра не бегали. Я немного успокоилась.

– Мы встречались в старших классах, а потом судьба нас развела.

Я не стала интересоваться подробностями, однако Петр начал вываливать их на меня, не дожидаясь приглашения.

– Помнится, я провожал ее с дискотеки через пустырь. Там еще синяя лавочка на боковой тропинке за елками стояла. Эхх...

Петр опустил голову и стал рассматривать этикетку на бутылке с пивом.

Я решила, что настал момент делать ноги.

– Я отойду на минутку.

Петр очнулся от грез и кивнул.

В очереди к уставшей тетеньке-гардеробщице было всего три человека – не совсем твердо стоявший на ногах белобрысый парень и две девушки. Я то и дело оглядывалась на вход в коридор, соединяющий холл и танцзал.

«Ой, я вдруг вспомнила, что забыла выключить утюг».

«Ой, мне позвонила мама и сказала, чтобы я срочно ехала домой».

«Ой, я хочу в куртке кошелек взять, чтобы тоже купить себе пива».

Я репетировала реплики на случай, если в холле вдруг появится Петр.

Через десять минут маршрутка везла меня по ноч-

ным улицам к общежитию. Волнение, связанное с побегом от Петра, постепенно улетучивалось. Зазвонил сотовый.

– Ты где вообще? – завопил телефон Танькиным голосом.

– В общагу еду, я вас потеряла, потом ко мне мутный чувак какой-то пристал. В общем, потом расскажу.

Общежитие, как всегда ночью, казалось уснувшим навеки. Хорошо, хоть вахтерша не спала и услышала, как я барабанила во входную дверь. Если бы вахтершей оказалась Солоха, я наверняка осталась бы на улице до утра. И не важно, что я всего лишь на полчаса припозднилась.

Единственный на этаже душ снова не работал. Нет, холодная вода из него лилась вполне исправно. Жаль, что я не морж. Могла бы каждый вечер плескаться в волю.

Перед сном я решила почитать Сомерсета Моэма. Приближалась пора сдавать пересказ очередных 100 страниц внеклассного чтения на английском. В моей сделанной из половинки тетради книжечке еще не появилось пока ни одной росписи Эльвиры Петровны. Такая роспись должна означать, что наша элегантная кураторша в очередной раз проконтролировала процесс обогащения моего кругозора сокровищами английской литературы.

Я осилила всего только 2 страницы, а меня уже начало клонить ко сну. Нет. Дело было не в книжке, просто я устала. По-настоящему устала, будто весь вечер таскала камни.

Сонливость сняло как рукой, когда вдруг отворилась дверь, и в комнату вошла Люба. Ничто так не бодрит, как появление в комнате маленького ребенка в полночь. Особенно, если ты готова поклясться, что закрывала дверь на ключ.

– Как ты сюда попала? – спросила я, силясь казаться спокойной.

– Ты из душа возвращалась, а я по лестнице поднималась. Я заметила, в какую ты комнату зашла. Потом я сходила сказать маме, что забегу в гости на минутку.

Я подумала, что может, все же я забыла закрыть дверь. Хотя мне казалось, что я помню, как щелкнул замок.

– А почему ты одна? – спросила Люба, взобравшаяся тем временем ко мне на кровать.

– Мои соседки домой на выходные уехали.

Мне вдруг померещилось, что, как только девочка уселась у меня в ногах, мои ступни под одеялом начали мерзнуть. Я мысленно обозвала себя параноидальной дурой.

– А мама не волнуется, что ты ночью по общежитию ходишь?

– А мне утром в садик не вставать, – по-своему объяснила себе мой вопрос Любочка. – Мама на пары уйдет, и я сплю, сколько хочу.

– Что же ты делаешь одна, пока мама на парах?

– Играю или с людьми общаюсь.

Я улыбнулась – с людьми она общается, ну надо же.

– Маме нравится студентов учить, – сменила тему разговора Люба. – А ты почему не хочешь детей учить, когда закончишь институт?

Я постаралась ответить со всей серьезностью:

– Не чувствую в себе педагогического таланта.

Люба важно закивала – дала понять, что понимает, какая серьезная это проблема – отсутствие педагогического таланта.

Я улыбнулась и подумала, что профессия родителей накладывает отпечаток на ребенка. Но потом я вдруг засомневалась в правильности собственной мысли. Моя мать работала библиотекарем, а папа – слесарем на заводе. Я мечтала попасть в редакцию какого-нибудь крупного московского журнала. А стану, скорее всего, менеджером по работе с клиентами в одной из местных шарга типа «Рога и копыта».

Я так глубоко задумалась, что даже почти забыла про Любу. Девчонка, видимо, не любила, когда про нее забывали. Она начала дергать мое одеяло. Ее косички, перевязанные ленточками в ретро-стиле (мне хотелось взглянуть на Любину мать), подпрыгивали над плечами.

– Оля, ты говорила, что журналисткой хочешь быть. Ты, наверное, в Москву уедешь?

Я всмотрелась в хитро поблескивающие при свете ночника карие глазенки, стараясь разгадать, не умеет ли часом моя ночная гостья читать мысли.

Обычные глаза. На угольки похожи. Может быть только, детским глазам полагается быть наивными? Никакой наивности в Любиных глазах не наблюдалось.

– Ну, чтобы в Москве жить, нужно много денег, – пустилась я в объяснения. – Да и просто так кто меня журналисткой возьмет? В любом случае некоторое время придется

здесь в городе поработать. Например, менеджером по работе с клиентами. Может быть, найду вакансию переводчика.

Как-то странно на меня Люба смотрела. Будто я ей казалась великовозрастной дурочкой, которая сама не знает, что несет.

– Закрой глаза и дай мне руку, – попросила вдруг она.

Я подчинилась.

Люба обхватила мою кисть ладошками с двух сторон. Обычные детские ладошки. Теплые.

– Ты мне покажешь фокус? – сама не знаю, почему я заблеяла сюсюкающим голосом.

Люба не ответила.

Я опять почувствовала иррациональный страх и открыла глаза.

Никто не держал меня за руку. Я почему-то сидела не на кровати, а за серым столом. Передо мной стоял компьютер с какими-то таблицами на экране: белые циферки на сером фоне.

Окно располагалось прямо рядом с моим столом (он и вправду мой?). Я встала, чтобы посмотреть, что там, за стеклом.

Я почти ничего не увидела. Обзор загораживал длинный серый амбар или склад, или еще что-то в этом роде – нечто тоскливо серое без окон.

– Когда будут готовы накладные? Пейзажем можно и позже полюбоваться.

Я вздрогнула и обернулась на голос.

Толстый дядька в мятой клетчатой рубашке смотрел на меня, сдвинув кустистые брови. Он резко (на удивление резко – с таким-то весом) развернулся и исчез в соседней комнате.

Я отошла от окна, плюхнулась на стул и стала внимательно рассматривать таблицы. Я не знаю, откуда пришло понимание. Оно пришло и все – будто я всегда это знала. Нужно искать позиции в каталоге – те самые позиции, что напечатаны на вот этих листах, что громоздятся в куче слева от компьютера. Далее я должна ввести количество коробок с товаром, стоимость каждой единицы товара, а затем вычислить сумму каждой накладной. И так весь день. И так всю неделю. И так....

Меня передернуло, и я открыла глаза. За окном было светло. Я лежала под одеялом в постели. На тумбочке по-прежнему светился привезенный из дома ночник. В 802-й царила безупречная тишина.

Я подумала, что уснула с книжкой, и мне приснилась Люба, а потом – так и вообще кошмар какой-то про скучнейшую в мире работу.

Я встала и сунула ступни в тапки. С одеяла упала что-то мелкое и звякнуло об пол. Я нагнулась и подняла невидимку – детскую невидимку с пластмассовыми вишенками.

6

После обеда вернулись в общагу Лариса с Ирой. К этому времени я уже подготовилась к парам понедельника и от нечего делать забралась с ногами на подоконник, чтобы смотреть на желтеющие заросли лесопарка, раскинувшегося за студенческим городком.

– Как съездили? – поинтересовалась я.

– Отлично, – отозвалась Лариса.

Я подумала, что она могла бы спросить, как я провела выходные. Просто из вежливости.

Соседки как раз распаковывали сумки с привезенной из дома провизией, когда в дверь постучали.

– Войдите, – громко сказала Ира, продолжая искать что-то в большом пакете.

Дверь отворилась, и в комнату вошел Ильдар, приветливо улыбаясь мне и моим опешившим соседкам.

– Здравствуйте! К вам можно?

Ира и Лариса, видимо, изрядно растерялись. Они замерли с открытыми ртами и не произносили ни слова.

– Привет. Проходи, пожалуйста, – поприветствовала я гостя.

Я старалась излучать гостеприимство, пытаюсь хотя бы частично нейтрализовать ледяные флюиды, которые начали распространяться по комнате сразу же, как только девчон-

ки пришли в себя, процедили «Здравствуйте» и продолжили разбирать сумки.

Ильдар сел на мою кровать.

– Я тебя не отвлекаю? – спросил он у меня.

Надо же, эти двое сумели выбить из колеи даже наглова-того огромного азиата.

– Нет, совсем не отвлекаешь. А пойдем, чайник вскипятим, я тебя чаем угощу, – предложила я и спрыгнула с подоконника, попутно радуясь тому, что после обеда накрасилась от скуки, а также тому, что не успела еще умять земляничное печенье.

Мы стояли на кухне, прислонившись полами к подоконнику и беседовали, ожидая, пока закипит мой старенький синий чайник со свистком.

Аспирант рассказал, что пишет научное исследование, тема которого связана с монголо-татарским нашествием, несколько раз в неделю ведет лекции и семинары у третьекурсников истфака и неспешно готовится к экзаменам кандидатского минимума. Я в свою очередь поведала о том, что без усталости учу по 100—150 новых английских слов в день, бесконечно пересказываю прочитанное и пишу-пишу-пишу упражнения по грамматике.

Ильдар поинтересовался тем, как мне живется в общежитии. Я ответила, что нормально. Не рассказывать же в самом деле, что соседки по комнате и знать меня не хотят. Вместо этого неожиданно даже для себя самой я выпалила:

– Лестницы, лифты, этажи... не люблю я этого. Когда я вырасту, буду жить в частном доме.

Ильдар посмотрел на меня с высоты своего двухметрового роста и спросил:

– А если не вырастишь?

Мы оба засмеялись так, что студентка, выносившая из кухни кастрюльку с только что сварившимся супом, вздрогнула и чуть не уронила ношу.

Вскоре мой чайник заголосил. Я заварила пакетики с «Майским» чаем в кружках, которые принесла с собой из комнаты, вскрыла пачку с земляничным печеньем. Мы пили чай, повернувшись лицом к окну, смотрели на хмурое серое небо и продолжали болтать.

– А ты вообще как прошел? Солоха ж не пускает парней в комнаты к девушкам.

– Какая Солоха?

Я засмеялась, сообразив, что кроме меня ведь никто и не знает, что она Солоха.

– Вахтерша с рыжими волосами, которая платок на голове повязывает на манер Солохи из «Вечеров...».

– А! Клавдия Евгеньевна! Эта милейшая женщина пропустит меня куда угодно, – со смехом ответил Ильдар, потешно приподняв брови, как будто намекая на нечто пикантное.

– Буду знать, что ты с ней в особых отношениях, – подержала я шутку.

Мы стояли у окна и пороли чушь. Я вдруг поняла, что вот

этого мне и не хватало в последние дни – просто поболтать с кем-нибудь – с кем-то, кто не против меня видеть. Ведь если Ильдар постучался в мою комнату, он хотел меня видеть. Правильно?

Чай в кружках закончился, и мы налили еще. Земляничное печенье казалось необыкновенно вкусным, а природа за окном – волшебной. Ну и что, что серое небо. Едва тронутые золотистой краской деревья, какое-то особенное баюкающее спокойствие в воздухе и предчувствие бабьего лета... – это ли не романтическая атмосфера.

– Спасибо за чай, – сказал мне Ильдар и подмигнул. – Наверняка встретимся еще.

Я почувствовала легкое разочарование. Он не сказал, к примеру: «Давай сходим куда-нибудь вечером» или «Можно я зайду завтра». Хотя, понятное дело, заходить в 802-ю, где при его виде поджимают губы и отворачиваются, ему вряд ли хотелось. Ильдар попрощался прямо там, на кухне, и отправился восвояси.

Я вымыла чашки в выдавшей виды кухонной раковине и вернулась в комнату. Мои соседки сидели рядышком (как две аккуратные образцовые курочки) на кровати Иры.

– Оля, – строго и официально обратилась ко мне Ирина.

Я остановилась напротив девчонок, вопросительно посмотрела на них и вдруг почувствовала себя так, будто бы меня вызвали в деканат, чтобы отчислить. Опыта такого у меня не было (тьфу-тьфу-тьфу), но почему-то на ум при-

шло именно это сравнение.

– Мы только приехали, переодеваться собирались.... Ты знаешь, у нас в общежитии не принято в комнате с парнем встречаться. Я не знаю, как его пропустили на вахте, но это серьезное нарушение правил.

Я удивилась – столько слов сразу Ира мне еще ни разу не говорила.

– Мы же ушли почти сразу, – оправдывалась я, чувствуя себя при этом довольно противненько.

Девушки не посчитали нужным продолжать разговор – просто поднялись с кровати как по команде и отправились заниматься своими делами.

Я злилась. Бесилась, нервничала, возмущалась. Я понимала, что эти две воображалы просто ищут повод для ссоры. Или, может быть, повод, чтобы не разговаривать со мной совсем.

Ночью я долго не могла уснуть. Я убеждала себя в том, что злиться деструктивно, что лучше всего совсем не думать о них. Однако сон все равно не шел.

Я тихонько выскользнула из кровати, надела халат прямо на ночную рубашку и пошла на кухню. Там за кривым железным столом сидела, уставившись в лежащую на столешнице толстую книгу, пухленькая блондинка Настя.

– Привет. Тебе тоже не спится?

Настя подскочила на стуле и вскинула на меня широко распахнутые голубые глаза.

– Извини, что напугала.

– Привет. Да ничего. Это я зачиталась. А я думала, это Люба. Сюда после 12 редко кто другой заходит.

Я с облегчением вздохнула: Люба – все-таки не плод моего воспаленного воображения. Значит, я вполне себе здорова.

– А ты к понедельнику недоучила что-то? – поинтересовалась Настя.

– Нет, просто не спится. Решила побродить, как медведь шатун.

– А.... А мне кровь из носу надо еще 50 страниц Цвейга домучить, чтобы Маргарите Марковне было что сдать завтра.

– Ты с немецко-английского? – догадалась я.

– Ага. Третий курс.

– А я с англо-немецкого. Второй курс. У нас немецкий только в этом году начался, и пока я не намного больше могу сказать, чем *Ich heiÙe Olga*.

Настя засмеялась.

– Ничего! У тебя еще все впереди. На третьем курсе практика речи полностью на языке идет, даже если этот самый язык – второй.

– *Das ist fantastisch!*

Мы еще немного поболтали и посмеялись, а потом я вернулась в постель. Человеку еще 50 страниц Цвейга домучивать, а тут я со своей бессонницей.

Я не знаю, как я могла забыть о диалогах. Ума не приложу. К практике речи мы должны были выучить за выходные новую лексику, выполнить все упражнения из соответствующей главы в учебнике, приготовить пересказ текста и составить диалог. Предлагалось представить: мы (я и моя напарница Нина, с которой мы работаем на практике речи, когда нужно что-то делать в парах) пришли в ресторан и обсуждаем, что бы нам такого заказать.

Я все-все выполнила. Ну, практически все. А про диалог начисто забыла.

Когда Эльвира начала спрашивать эти самые злополучные диалоги, Нина встала и сказала, что звонила мне в субботу, но я сбросила, поэтому она приготовила диалог одна – самостоятельно. Нина продекламировала свой диалог. Это выглядело так, как будто у нее произошло раздвоение личности – одна половинка Нины выступала за то, чтобы съесть овощной салат с соком, а другая – хотела мяса и вина.

Когда это я сбросила ее звонок? Не было никакого звонка. Вечером в субботу я плясала в клубе. Может нечаянно сбросила?

Эльвира посмотрела на меня так, будто бы внезапно выяснилось, что я убийца младенцев. И понеслось. Я безответственная. Я переоцениваю собственные способности. Я буду

отчислена, если продолжу в том же духе.

Впрочем, взрыв негодования гремел всего пару минут. Потом Эльвира осознала, что тратит драгоценные минуты занятия и продолжила спрашивать диалоги у группы. Однако мое настроение уже безнадежно испортилось.

На перемене я ушла из аудитории, чтобы в одиночестве посмотреть в окно в самом конце коридора. Я пялилась на потемневший от дождя асфальт и силилась понять, совсем я никчемная или есть еще надежда.

На инязе большинство преподавателей придерживалось мнения (Эльвира озвучила нам это мнение еще на первом курсе), что студент-новичок – это вообще никто. Не за что его уважать. Не заслужил еще. К четвертому-пятому курсу из общей серой массы потока можно, как правило, выделить несколько человек, которые хоть что-то из себя представляют. Вот им, может быть, перепадет немного уважения – к концу обучения в универе, не раньше.

На инязе не хвалят. Ну, вот вообще не хвалят. Даже если ты готова к уроку безукоризненно. Впрочем, безукоризненно не получается. Эльвира всегда находит недочеты. Всегда.

Я думала о том, что, может быть, я одна такая. Может, это только мне нужно чувствовать, что я на правильном пути, что прогресс на лицо, что мною довольны. Почему, если нет ошибок, Эльвира бесстрастно кивает, а если есть – смотрит презрительно? Это педагогично?

Кто-то тронул меня за плечо. Я вздрогнула.

– Привет!

Показалось широко улыбающееся лицо Насти – блондинки из общежития.

– Привет, – ответила я, стараясь справиться со слезами, готовыми вот-вот покатиться из глаз.

Да... только начни себя жалеть, тут же нюни сами собой распускаются.

– Ты чего тут одна грустишь?

– Представляешь, забыла диалог подготовить. Эльвира наша меня чуть не съела, – я криво улыбнулась, силясь изобразить, что мне плевать.

– Ой, ну я не могу. Ты на втором курсе и все еще из-за этого переживаешь. Тут система такая – есть студентов поедом. Ты ж понимаешь, дамочки-то наши, преподавательницы высокочтимые, практически все не замужем. Надо ж отыгаться на ком-нибудь. А студентки – самое оно, чтобы безнаказанно отыгрываться.

Я улыбнулась. Такое объяснение мне не приходило в голову.

– Мне наша знаешь, что недавно сказала? – продолжила Настя. – «Ах, у тебя еще румянец во всю щеку! У студентки, которая учится на инязе – и учится, как надо, румянца во всю щеку быть не может». Вот так-то.

– Слушай! – воскликнула я. – Наверное, зря я сюда поступила. Я понимаю, когда призвание у человека – стать суперклассным переводчиком или учителем английского. То-

гда не жалко и ночами не спать. А я...

Я посмотрела на Настю. Она, казалось, не слышала меня, ушла в себя, что называется. Мы помолчали с минуту, а потом Настя вдруг сказала:

– Я вообще-то хочу работать ветеринаром. Чудовищно хочу. Но папка сказал, что не дело это – коровам хвосты крутить. Типа, зря они, что ли, в гимназии с уклоном на иностранные языки меня учили.

Настя посмотрела на часы.

– Слушай, пара-то уже началась.

Я помчалась в аудиторию, и, к счастью, успела туда раньше Эльвиры.

Когда занятия закончились, и я вернулась в общагу, вахтерша сообщила, что меня возжелал вдруг увидеть комендант. Кабинет Ивана Васильевича располагался на втором этаже. Туда я и направилась, думая, что мне, может быть, тумбочку другую хотят выделить или спросить, как я устроилась в 802-й.

Я постучалась, услышала приглашение войти и открыла дверь. Первым, что бросилось мне в глаза, оказалась лысина Ивана Васильевича, писавшего что-то в толстом журнале за столом. Я поздоровалась и встала у двери в ожидании, пока лысина (на манер избушки на курьих ножках) превратится в лицо.

Наконец комендант поднял голову. Я сдержала улыбку – ну, забавно же, он явно не помнил меня и не знал, зачем я

пришла, поэтому каким-то невообразимым образом пытался и ласково улыбаться своими похожими на олады губищами и на всякий случай грозно сдвигать брови.

– Я Ольга Перова из 802-й комнаты. Мне сказали, вы просили меня зайти.

Губы-олады приняли нейтральное положение, брови сдвинулись сильнее. Я удивилась: неужели у него так быстро появился повод на меня сердиться. Я ж только заселилась.

– Ольга Перова, значит. А скажи-ка мне Ольга Перова, что это у тебя за посещения вчера имели место не по регламенту.

Мне понадобилось время, чтобы вникнуть в смысл столь витиевато построенной фразы. Наконец, я сообразила.

– Ко мне заходил знакомый вчера.

Я все еще не вполне понимала, в чем проблема.

– Ольга, ты не одна в комнате живешь. Поэтому будь добра встречаться со своими знакомыми мужского пола за пределами жилых комнат.

И тут я поняла. Ира и Лариса пожаловались. Настучали на меня самым бессовестным образом.

Я закипала. Прямо чувствовала, как бурлит и клокочет внутри негодование. Чтобы оно не вырвалось наружу, пришлось стиснуть зубы и молча слушать, как меня отчитывает комендант. Отчитывает, а сам пялится серыми маслянистыми глазками. Небось, с удовольствием зашел бы «не по регламенту».

И все-таки я сильная женщина. Недаром моя подруга

Танька так говорит. Я выслушала все, даже не пискнув, даже не состроив гримасу, а потом вежливо попрощалась и ушла. Видимо, «по регламенту» я должна была произнести что-то вроде: «Извините, Иван Васильевич. Такое больше не повторится». Но я не произнесла. В конце концов, я не сделала ничего плохого.

Я шагала по лестнице, совсем как солдат – боевым решительным маршем. Шагала и представляла, как сейчас выскажу все этой Ире и этой Ларисе. Все-все, что накопело. Фифы какие. Вдвоем они, видите ли вы, предпочли бы жить. Я тоже бы много чего предпочла, чего нет, – чтобы соседки по комнате со мной нормально разговаривали, чтобы не переглядывались многозначительно, чтобы не строили из себя принцесс высокородных.

Я не знаю, почему я не поехала на лифте. Я даже не проверила, работает ли он или торчит по своему обыкновению в темной шахте без движения. Наверное, я интуитивно понимала, что марш со второго на восьмой этаж успокоит меня немного. Все-таки в том, чтобы клокотать от злости, мало приятного. И действительно, на шестом этаже я почувствовала, что мне гораздо легче. Я начала надеяться, что, может быть, даже удастся удержаться и не вцепиться Ире или Ларисе в волосы.

Как только я так подумала, моя нога соскользнула со ступеньки и как-то странно вывернулась. Я потеряла равновесие и пребольно шлепнулась попой. Из глаз брызнули слезы.

Да что же это за день такой!

Я сидела на ступеньках и размазывала по щекам тушь, когда услышала, что с верхних этажей кто-то спускается. Понятное дело, мне не хотелось, чтобы меня видели такой вот зареванной мямлей. Я попыталась встать.

– Ай-я-яй! – вскрикнула я и снова села на ступеньки.

Наступить на одну ногу было очень-очень больно.

Шаги приближались. Теперь уже я понимала, что по лестнице скачет ребенок. Легонькие шажки напомнили мне про Любу. Через несколько секунд я убедилась в том, что это и была она.

– Оля! Ты упала? – воскликнула Люба, по-детски растопырив руки в жесте отчаяния и округлив глаза.

– Я оступилась, – объяснила я.

– Ты наверно ногу сломала?

– Да нет, Люба, я просто ушиблась немного.

– А почему ты тогда здесь сидишь, – не унималась девчонка, – пошли к тете Клаве, она посмотрит, что у тебя с ногой. Тетя Клава медсестрой работает, когда здесь не сидит.

– Какая тетя Клава? – уточнила я, хотя в тот момент единственное, что меня интересовало, – так это, смогу ли я доковылять хотя бы до лифта.

– Тетя Клава – вахтерша наша, – растолковывала мне девочка.

Она стояла на две ступеньки выше того места, где я угнездилась, словно клуша. Чувство жалости к глупой тетке,

не способной даже по лестнице нормально подняться, могло в любой момент излиться слезами из детских карих глазенок. Однако я видела в Любиных радужках и еще что-то – прячущуюся где-то глубоко уверенность, что все идет как надо, что все правильно. Впрочем, такой издерганной неудачнице, как я, еще и не такое могло привидеться. Надо ж, что в голову приходит, стоит только больно попой удариться.

Я снова попыталась встать. Острая боль пронзила ногу. Я уже представила, как просижу на лестнице до самого вечера. Может быть, потом кто-нибудь сжалится и поможет мне добраться в комнаты.

– Давай я возьму тебя за руку и помогу дойти до вахты?

Я засмеялась, несмотря на боль в ноге.

– Любочка, ты меня не удержишь.

Люба молча подала мне руку. Я протянула ей свою. Разумеется, я не собиралась опираться на пятилетнего ребенка. Просто хотела показать, что ценю ее помощь и верю, что она сильная девочка.

И вдруг я поняла, что уже стою на ногах. Люба все еще держала меня за руку – я чувствовала у себя в ладони ее крошечные слабенькие пальчики. Однако я могла бы поклясться, что это она меня подняла со ступенек. Как это возможно?

Опираясь на перила, я доковыляла до следующей лестничной площадки. К счастью, лифт работал. На вахте сидела Солоха.

– Иди, тетя Клава тебе поможет, – сказала Люба.

Когда я возвращалась после занятий в общежитие, Солоха на вахте не было, – работала худенькая бабулька – доброжелательная и приветливая. Я уже почти решила, что не стану обращаться за помощью к тете Клавде, оказавшейся злобной Солохой. Однако очередной шаг отозвался такой резкой болью в лодыжке, что мне стало совершенно все равно, кто там, на вахте, – дракон, Кощей Бессмертный, людоед. Все равно дальше вахты я уже не доковыляла бы.

– Добрый день, – робко прошелестела я под окошком кабинки. – Я подвернула ногу на лестнице.

Я замолкла, не зная, что еще сказать. «Не могли бы вы меня полечить?» Так что ли? Солоха наверняка заявит, что она вахтерша, а не Айболит. И будет права.

Ни слова не говоря, Солоха вышла из будки, взяла меня под руку, отвела в холл и усадила на один из стульев. Затем она притащила из своей будки табуретку, подняла мою травмированную ногу и положила стопу на сиденье табуретки. И вот тут я заметила, что моя лодыжка увеличилась в размерах – безобразно распухла, если называть вещи своими именами.

Солоха, опять же ни слова не говоря, осмотрела лодыжку и ушла. Я едва не вывернула себе еще и шею, пытаюсь увидеть, куда это она направилась. Оказалось – в комнату рядом с вахтой. Через пару минут Солоха вернулась с мешком в руках, который она потом пристроила прямо мне на большую лодыжку. Я почувствовала обжигающий холод и вместе

с ним некоторое облегчение – боль отступила.

– Ну и как ты смогла сюда доковылять? – поинтересовалась новоявленная тетя Клава.

– Мне Люба помогла, – ответила я.

Только теперь я вспомнила про девочку с косичками и покрутила головой, пытаясь обнаружить Любу в каком-нибудь углу холла. Когда она ушла? Когда отпустила мою руку?

– Какая еще Люба? Ты одна из лифта вышла.

Тетя Клава смотрела на меня так, что сомнения не оставалось, – она думала, что у меня от болевого шока крыша поехала.

– Она со мной на лифте была, и, видимо, на нем же сразу обратно на свой этаж уехала, – зачем-то оправдывалась я, хотя точно помнила, что Люба из лифта выходила. Именно в холле она мне сказала: «Иди, тетя Клава тебе поможет».

Вахтерша вытащила из кармана своей сиреневой вязаной кофты эластичный бинт и принялась туго бинтовать стопу.

– Ну, раз ходить ты все-таки можешь, значит, разрыва связок нет, – объявила тетя Клава. – Возьмешь лед с собой, поддержишь на ноге. Старайся на эту ногу не опираться первое время. Дней через 10 пройдет.

Вахтерша взяла меня под руку и медленно повела к лифту.

Ира и Лариса испуганно вскочили, когда я в сопровождении тети Клавы ввалилась в комнату.

– Девочки, Оля (опа, а я-то думала, что я для нее один из безымянных раздражителей, шастающих мимо вахты)

растянула связки. Вы уж тут помогайте ей – Оле пока не стоит много ходить.

Ира и Лариса закивали головами, как китайские болванчики.

– Что случилось? – практически в унисон спросили соседки.

– Ногу подвернула.

Почему-то мне уже совершенно не хотелось с ними ругаться из-за разговора с комендантом. Хотелось целую вечность не вставать с постели. И чтобы никто меня не трогал.

8

Утром, когда я попыталась наступить на больную ногу, поняла, что чудесного исцеления за ночь не произошло. Однако я отлично помнила, как Эльвира еще на первом курсе объявила, что единственной уважительной причиной для пропуска ее пары может служить справка из морга.

Такую справку не достать (да и глупо предъявлять ее собственноручно), а значит, пришлось стиснуть зубы и собираться. Я решила, что явлюсь на практику речи, а все остальные пары все-таки забуду – две лекции можно будет потом списать, а семинар по истории зарубежки многие пропускали и ничего, живы.

Нога с эластичным бинтом не желала лезть в туфлю. Пришлось сунуть многострадальную ступню в тапок. Я подумала, что это ничего: идти-то недалеко, да и сухо на улице. А тапок потом вымыть можно.

Лариса (видимо, памятуя о наказе тети Клары) предложила довести меня до аудитории. Я гордо отказалась, хотя и горько пожалела потом. Мне пришлось скакать на одной ноге, касаясь второй ступней пола для сохранения равновесия. Мало того, что это самое сохранение равновесия достигалось через боль, на меня еще и все бессовестно пялились.

Однако все неприятности показались мне мелочью, когда я допрыгала до крыльца – огромного крыльца с двадцатью

ступеньками. Я специально посчитала. Что я еще могла делать, кроме как стоять и считать ступеньки? Опереться было не на что, не на четвереньках же мне подниматься. И почему никому не пришло в голову сделать перила? Ну, хотя бы с одной стороны.

Я взлетела в воздух, как раз когда размышляла о перилах. Вот только что стояла и считала ступеньки, и вдруг поднялась над землей и поплыла вверх. Я не сразу сообразила, что меня кто-то несет на руках, потому что сначала смотрела лишь вниз, на ступеньки: я боялась, что они продолжат стремительно удаляться от меня, и вскоре я окажусь выше крыши университета. Однако движение вверх прекратилось, и я подняла голову.

Теперь вместо ступенек я видела смеющиеся глаза Ильдара.

– Где это тебя угораздило? Соседки побили, чтобы мужчин в комнату зазывать неповадно было?

Как будто это я его зазывала, а не он сам напросился.

– Ногу на лестнице подвернула, – объяснила я.

Ильдар и не думал ставить меня на ноги – внес на руках прямо в здание и поднялся со мной на четвертый этаж.

Разумеется, нас удивленно разглядывали. Разумеется, на нас оглядывались. Разумеется, мне было не по себе, и лицо мое пылало.

– Может я сама дальше? – жалобно пропищала я на подходе к аудитории.

Одно дело, когда пелятся незнакомые, и совсем другое – если мы, например, Эльвиру повстречаем.

– Какая аудитория? – вместо ответа спросил Ильдар.

– 415-я. Ты же не собираешься меня прямо туда заносить? – испугалась я.

– Во сколько занятия заканчиваются сегодня?

Я начала злиться. С какой это стати он игнорирует мои вопросы. Что это за неуважение, в самом деле.

– Останусь только на две пары практики речи. А потом я в общагу вернусь, – все же ответила я.

И тут совершилось событие века – мой триумфальный въезд (или вспыв?) в аудиторию на руках у двухметрового башкира. У одnogруппниц (и у нашего единственного одnogруппника тоже) отвалились челюсти. Как назло, в аудитории уже сидела Эльвира. Раньше она до звонка никогда не заявлялась. А тут – на тебе, сидит за учительским столом и в журнале что-то пишет. Челюсть у нее не упала, но со стула она все же вскочила и на несколько секунд-таки растерялась.

– Что случилось, Оля? – одновременно строго и взволнованно спросила кураторша, взяв себя в руки.

– У Ольги травма ступни, – серьезно и авторитетно объявил Ильдар, будто бы это его спрашивали.

– Оля, ты могла бы пару дней полежать дома, чтобы не напрягать пока ногу, – сказала Эльвира.

– У Ольги нет знакомых в морге. Справку никак не до-

стать, – все так же серьезно объяснял Ильдар.

И зачем я разболтала ему о том, что именно Эльвира нам сказала на первом курсе по поводу пропуска ее пар. А он тоже хорош! Нашел с кем шутить!

Группа заржала. Ей богу, как пятиклассники какие-то. Как будто не ясно, что Эльвира взбесится и все две пары будет по две шкуры с нас сдирать.

Так оно и получилось. Как только Ильдар ушел, церемонно попрощавшись, кураторша стала вызывать нас по одному к доске и спрашивать новую лексику. Все бы ничего, но отвечать приходилось на такой скорости, что мозг просто стопорило. Стоило лишь запнуться на секунду, и начиналось: «На что вы вообще рассчитываете, если даже лексику выучить не можете? Такой бестолковой группы у меня за всю практику работы не было». И все в таком духе.

По крайней мере, я была освобождена от необходимости топтать к доске и выслушивать там Эльвирины комментарии. Я со своего места все это выслушала. Тоже удовольствие сомнительное. Но все же...

После второй пары, как раз когда я размышляла о том, не пойти ли мне на лекцию и тем самым отсрочить пытку беспомощным ковылянием в общагу, в аудиторию заявился Ильдар.

– Ну что, в обратный путь двинем, – только и сказал он, прежде чем подхватить меня на руки.

Калейдоскоп моего мироощущения менял картинку с пу-

гающей скоростью. Я ощущала себя то прекрасной принцессой на руках у непобедимого богатыря (в такие моменты мне казалось, что все смотрят на меня с восхищением), то колченогой неудачницей (тогда я была уверена, что все косятся на меня с гадкой, разбавленной жалостью усмешкой).

У лифта Ильдар аккуратно поставил меня на ноги. На вахте дежурила тетя Клава, и она ни слова не сказала, по поводу моего сопровождающего.

– Я сама на лифте доеду. Спасибо, что доставил. Мне неудобно, что я тебя так напрягла, – я тараторила, как дурочка.

– Завтра на занятия во сколько идешь? – деловито поинтересовался Ильдар.

Я представила, как снова в плыву в аудиторию, раскачивая тапком на левой ноге, а Эльвира будет смотреть на меня волком. Нет уж, увольте.

– Я, наверное, не пойду завтра. Ты не беспокойся, Ильдар. И еще раз большущее спасибо.

– Ну, увидимся тогда. Выздоровливай.

Ильдар коснулся указательным пальцем моего носа и быстренько ретировался. Пока я поднималась на лифте, все думала: это он клеится или просто пожалел калеку.

Через неделю на поврежденную ногу уже можно было наступать, не морщась. Я снова ходила на все пары (кроме физкультуры, разумеется).

В отношении ко мне Ирки и Ларисы практически ничего не изменилось. Ну, почти ничего. Они по-прежнему готовили ужин на двоих, теплыми вечерами уходили посидеть на скамейке перед общагой и не приглашали меня, когда отправлялись в гости к девчонкам с нашего этажа.

Однако я знала, что они в курсе того, что меня из-за них вызывал комендант. Наверное, им было все-таки совестно осознавать, что они ябеды. Я так решила, потому что они вдруг стали со мной разговаривать. То есть не только «Оля, тебе еще долго заниматься, а то мы спать укладываемся?» или «Оля, твоё варенье на полке в шкафу забродило и потекло». Теперь они изредка спрашивали про знакомых преподавов и даже иногда рассказывали разные случаи из студенческой жизни.

Например, Ира поведала, что препод Ивашко, который с середины октября по декабрь ведет на втором курсе «Диалектику сознательного и бессознательного в структуре личности», – совершенно чокнутый тип. Через неделю и у нашего потока должна была начаться эта бодяга. Может, поэтому Ирка и решила меня предупредить, что этот самый

Ивашко безбожно пристает к студенткам и не ставит зачет, если не купить кучу методичек, им написанных. Ира с Ларисой утверждали, что он им вытрепал все нервы в свое время и поставил зачет далеко не с первого раза.

Я пока не волновалась – чего волноваться, если я даже еще не видела этого монстра. «Диалектика» эта – ведь всего лишь спецкурс. Честно говоря, я не верила, что из-за какого-то несчастного спецкурса могут быть серьезные проблемы.

После того памятного дня, когда я сидела на лестнице и выла, как имбецилка, я не больше встречала Любочку. А мне хотелось. Я бы с ней о тете Клаве поговорила. Удивительно все-таки – считаешь человека бесчувственной гримзой, а она возьми, да и помоги тебе в трудную минуту. Тетя Клава, кстати, заходила потом ко мне в 802-ю ногу осмотреть. Сказала, что все будет путем, хотя тогда еще моя лодыжка лапу слона напоминала.

Любочка отыскалась, когда я уже начала забывать об этом случае, – нога прошла, эмоции стерлись. Я, как обычно, сидела на подоконнике за полночь, доучивая тему по лексикологии. Видимо, я глубоко погрузилась в материал, потому что шагов по коридору не услышала. Любочка возникла в дверном проеме, и я обрадовалась ей как родной.

– Привет! Опять не спишь ночью? – начала я разговор.

– Привет! Ну что, вылечила тебя тетя Клава? – проигнорировала мой вопрос Любочка.

– Ага. Я и не ожидала, что она захочет помочь.

Я ляпнула и пожалела сразу, что ляпнула. Негоже с ребенком взрослых обсуждать.

– Она хорошая. Просто устает, и сердится от этого иногда, – невозмутимо изрекла Люба.

– Да, не стоит судить по первому впечатлению, – сказала я и улыбнулась девчужке.

– А ты не хочешь об этом написать? – огорошила она меня.

– Кому написать?

Ну, ты ж говорила, что журналистом хочешь быть.

Я молчала и все смотрела и смотрела на Любу, силясь определить, сколько же ей лет на самом деле.

– Ну ладно, побегу я, а то мама волноваться будет.

Люба развернулась на пятках и скрылась в коридоре.

Я еще немного почитала лексикологию и поняла, что смертельно хочу спать. Однако как только я оказалась в постели, сна как ни бывало. Я ворочалась с бока на бок и все думала, про то, как часто вещи оказываются совсем не тем, чем виделись вначале. Под маской стервозности скрывается усталость, маленькая девочка с наивными глазами способна помочь взрослой девахе, молодой человек, еще недавно носивший даму на руках, напрочь о ней забывает уже через пару дней. Я все размышляла и размышляла и, в конце концов, меня стало просто-таки обуревать желание поделиться с кем-нибудь своими мыслями. Я встала, накинула халат, до-

стала из тумбочки нет-бук и мегафоновскую флешку и снова отправилась на кухню.

Чертова муза не отпускала меня до трех ночи. Я отправила текст модератору группы «Практическая психология», потом вышла из ВКонтакте, выключила нет-бук и, по-моему, уснула раньше, чем легла в постель. Во всяком случае, на следующий день я даже не помнила, как клала нет-бук в тумбочку, снимала халат и забиралась под одеяло.

Утром я не успела заглянуть ВКонтакте. Да что уж там, я вообще едва с кровати поднялась и чуть не ушла в институт в тапках. На занятиях я совсем забыла о написанном ночью опусе: Эльвира окатила меня очередным холодным душем презрения за то, что я не поняла ее вопрос и переспросила: «Could you repeat please». Кураторша посмотрела на меня, как на гадкое насекомое, и повторила-таки вопрос, только уже не мне, а Лерке.

Я вспомнила о статье вечером, когда от письменных упражнений по практике речи, заданных к следующему дню, уже кружилась голова. Я посмотрела на часы – 12:48. Оставшиеся две страницы показались мне бесконечным свитком с китайскими иероглифами. И тут я вдруг подумала... интересно бы узнать, получила ли моя статья хотя бы пару лайков.

Лариса и Ира уже собирались укладываться спать. Пришлось брать тетрадку, учебник, заодно и нет-бук с флешкой, и отправляться на кухню. Как обычно после полуночи, в коридоре царила тишина. Я настолько к этому привыкла, что рассказы Таньки о бесконечных вечеринках, несмолкаемых звуках музыки и пьянках в ее общаге начали казаться мне дикой выдумкой. Они теперь представлялись мне фантастикой, даже несмотря на то, что пару раз в прошлом году я бы-

ла в гостях у Таньки и имела возможность убедиться, что все обстоит именно так, как она рассказывает.

Я поставила нет-бук на железный стол, вставила флешку и через несколько минут уже знала, что моя статья набрала 1156 лайков и уйму комментариев. Ого-го! Как раз за чтением комментов меня Настя и застала.

– Занимаешься? – спросила она, подставляя к кривому железному столу стул из своей комнаты.

– Ага, – ответила я, ухмыляясь.

Настя заметила, что у меня открыта страничка Вконтакте.

– Ты ВКонтакте есть? Под какой фамилией? – спросила она.

– Под собственной, – засмеялась я. – Перова.

– Я тебя найду там потом. Можно?

– Конечно! – искренне обрадовалась я.

– А что это у тебя открыто? Психологией интересуешься?

– Ты только не смейся, Насть. Мне вчера не спалось, и я статью накатала. Вот, комменты читаю.

– Вау! Прочитать можно?

– Можно, – согласилась я, хотя и смутилась, если честно.

Настя погрузилась в чтение. Я пыталась сосредоточиться на очередном упражнении из учебника, но то и дело отвлекалась, чтобы попытаться угадать по Настиному выражению лица, нравится ли ей мой опус.

– Класс! – резюмировала моя новая подруга. – Ты знаешь, что здорово пишешь?

Я, кажется, покраснела.

– Да ладно тебе! То же мне, Пушкина нашла.

– Пушкин – не Пушкин, но слог красивый и читать интересно.

Мы еще немного поболтали, прежде чем я все-таки села за упражнения. Как там Маргарита Марковна сказала Насте: «Ах, у тебя румянец во всю щеку!». Я почувствовала, что становлюсь эталонной студенткой иныа – мертвенно бледной, с глубокими тенями под глазами.

Когда я, наконец, улеглась спать, вдруг подумала, что хотела бы показать статью Ильдару. Или просто погулять с ним в лесопарке за стадионом. Или хотя бы поболтать в институте. Только вот я ему, видимо, неинтересна. Даже не пришел узнать, зажила ли у меня нога.

Я взяла телефон с тумбочки и поморщилась. Разумеется, 2:18 – отличное время для праздных размышлений. Особенно, когда первые две пары на следующий день – это практика речи.

И все-таки мысли материализуются. Факт. Первым, кого я встретила утром, как только вышла из общаги, оказался Ильдар. Правда, потом выяснилось, что первым он оказался неслучайно. Он специально ждал меня возле второго корпуса.

– Привет! Ну как нога-то твоя? – спросил он раньше, чем я успела ему обрадоваться.

– Зажила совсем. Спасибо, что спросил.

– А горло не болит?

– Горло? Почему оно должно болеть?

Наверное, я уж очень забавно глаза от удивления вытаращила: Ильдар рассмеялся.

– В тот день, когда мы в последний раз виделись, у меня температура под 40 поднялась к вечеру. Ангина меня свалила. Вот только оклемался недавно.

Я обозвала себя глупой стервой. Ну, в самом деле, сама же статью написала про то, что не стоит ни о чем судить, не разобравшись до конца. А туда же. Губы надула: надо же, Ильдар не пришел узнать про ногу. Даже и в голову не пришло, что с ним что-то могло случиться.

– Хорошо, что ты уже выздоровел, – пролепетала я.

– А давай в честь твоего и моего выздоровления в столовку после последней пары вместе сходим? Мне как раз стипендию выдали.

Ильдар так широко улыбался, что это сбивало с толку: то ли шутит, то ли правда, свидание назначает. Я решила прояснить ситуацию.

– Ты меня приглашаешь? – я тоже улыбалась во все свои 32 зуба, так что простор для маневра оставался.

– А то! У вас сколько пар сегодня?

– Шесть, – ответила я.

– Встречаемся на крыльце. До скорого!

Ильдар ушел в противоположную от здания университета сторону, а я побежала на занятия.

Всю первую пару мы разбирали домашние упражнения. Инессу угораздило не доделать пару заданий: Эльвира пообещала ей кару небесную.

– Не перейдешь на третий курс, – пророчествовала она.

– Ты себя переоцениваешь, – утверждала она.

– Так и останешься никем, – вынесла она вердикт.

Я поблагодарила провидение, что, несмотря на желание спать, вечно обуревающее меня после полуночи (с чего бы это?), я таки закончила упражнения. Не то, чтобы я опасалась не перейти на третий курс. Просто уж очень низко падает самооценка после таких вот головомоек.

А потом я расслабилась. И совершенно напрасно, между прочим. На второй паре мы писали диктант. Я к нему готовилась. Честно, готовилась.

Может это случилось, потому что я уже второй день не могла как следует выспаться. Может, из-за напряжения, которое неизменно концентрировалось в воздухе на парах Эльвиры. Да кто его знает, почему я вдруг засомневалась в написании слова «единство». То есть, я совершенно отчетливо помнила, как оно произносится, а вот что там в середине – «i» или «a» не помнила.

Я написала «indivisability», исправила на «indivisibility» и поняла, что именно последний вариант правильный. Однако диктант все это время, пока я вспоминала, как пишется слово, само собой продолжался. Осторожно, как хитрая галка, я покосилась на листок Веры – моей соседки по парте. Я

списала пропущенное слово, при этом умудрилась не потерять нить диктанта. Экая молодец. Только вот когда Эльвира оказалась возле студенческих столов, я не заметила. Еще секунду назад ее голос раздавался у доски, и тут же вдруг мой листок с диктантом взлетает в воздух и превращается в несколько клочков бумаги.

Эльвира невозмутимо продолжила диктовать. Видимо, она ожидала, что я в слезах выскочу из аудитории. Я сжала зубы и пообещала себе, что если заплачу, то весь следующий месяц не буду есть сладкое: ни одного пирожного, ни одного шоколадного батончика, ни одной печенюшки. Я даже испугалась, что пообещала себе такое. Испугалась и плакать передумала. Сложила руки на парте, как первоклашка, и сидела так, пока диктант не закончился.

Наверное, самообладание, проявленное мной, впечатлило Эльвиру. Она не стала грозить мне последствиями и жечь презрением. Просто объявила, что Перова на днях будет писать диктант на доске. Индивидуально.

Уже закончилась шестая пара, а отличное настроение и не думало меня покидать. О-о-ох, как же мало для счастья надо студентке иныза – достаточно, чтобы куратор не унижал перед одноклассниками, не смотрел, как на мокрицу несчастную. Хотя все-таки я себя обманывала: на самом деле меня радовало предстоящее свидание. Если бы Ильдар не предложил встретиться, наверняка разорванный листок с диктантом расстроил бы меня гораздо больше.

Самую малость смущала мысль, что мою подругу Таньку парни приглашают в клуб, а меня – в столовку. Зато Ильдар аспирант, а не студент сопливый. И потом, он такой огромный и сильный. Я видела, с какой завистью смотрели одногруппницы, когда он внес меня в аудиторию на руках.

Ильдар ждал меня на крыльце, как и обещал. По дороге в столовку я без умолку трещала: и про диктант поведала, и про статью Вконтакте, и про то, что мои соседки по комнате немного оттаяли. Лишь когда мы взяли на раздаче подносы, я вдруг поняла, что веду себя, как бестолковая сорока – не даю Ильдару даже слово вставить.

Я замолчала, а он заметил:

– Здорово, когда у человека радужное настроение.

И больше ничего не сказал.

Мы уселись за столик, расставили тарелки и принялись за суп. Ильдар стал расспрашивать меня про Эльвиру: есть ли у нее любимчики, замужем ли она, и все в таком духе. Он внимательно слушал ответы и усмехался в нужных местах, но меня почему-то не покидало ощущение, что он спрашивает, чтобы самому помолчать. Я не знала, отчего он вдруг загрустил. Только постепенно и мое радужное настроение начало испаряться. Не то что бы я захандрила, но без умолку трещать уже не хотелось.

Между тем мы расправились и с рыбой, и с макаронами, прикончили булки и выпили компот. В тот момент, когда я уж совсем скисла от мыслей, что даже свидание у меня – и то

не как у людей, Ильдар вдруг предложил:

– А пойдем в лесопарке за институтом погуляем?

Я радостно закивала, решив, что наконец-то в историю моей общежитской жизни войдет настоящая романтика. Мы завернули за здание университета и вошли в обрамленную с двух сторон низенькими кустиками аллею. Ильдар рассказывал о своем родном городе. Очень подробно рассказывал: и про клубы, и про парки, и даже про фонтаны. Я поняла, что он скучает по Уфе.

– А ты дома давно был? – я решила проверить свое предположение.

– Летом не получилось съездить: я работал.

Ильдар помолчал немного, а потом добавил:

– В пионерском лагере поваром.

Я прыснула. Просто не смогла сдержаться. Я представила двухметрового Ильдара в белом колпаке, сосредоточенно мешающего суп половником в огромной кастрюле.

– Извини. Просто я представила тебя в пионерском лагере, – объяснила я. – Ты поварским колпаком потолок-то не задевал? А они не побоялись, что тебя прокормить не смогут?

Ильдар оценил мое остроумие: он засмеялся, и я впервые заметила, что у него ямочка на щеке. Как мило – огромный азиат с ямочкой на щеке.

Мы вышли из аллеи и очутились на пустом университетском стадионе. Стадион походил скорее на поляну в лесу –

на поляну, обрамленную асфальтированной дорожкой. Мы неспешно брели по этой самой дорожке, чтобы добраться до грунтовки, уходящей в лес.

– А как тебя взяли поваром? – продолжила интересоваться я. – Ты ж историк, а не повар.

– А я еще когда на втором курсе был, в кулинарное училище поступил. Так, на всякий случай. И к еде поближе, – Ильдар захохотал. – Опять же, на практических занятиях перекусить бесплатно можно было.

Асфальт закончился, и мы оказались в лесу. В общаге поговаривали, что в этих зарослях «водится» маньяк. По слухам получалось, что маньяк безобидный: бродил по дорожкам как совершенно нормальный мужик, но с той лишь разницей, что на голове он носил шапку (их еще пидорками называют), натянутую до носа. В шапке имелись прорези для глаз. Этакий гроза лесов.

Говорили, что, повстречав жертв (чаще всего ими оказывались девчонки из университетской общаги, решившие подышать свежим воздухом и полюбоваться природными красотами), он не нападал, а просто стягивал с себя штаны и наслаждался произведенным эффектом. Та-та-та-тааам. Понятное дело, девчонки поднимали визг и неслись от него, не разбирая дороги.

Я вспомнила все эти истории и спросила у Ильдара, слышал ли он о лесном маньяке. Он остановился посреди дорожки, выждал с полминуты и произнес зловещим шепотом:

– А я и есть лесной маньяк!

И потянулся к брючному ремню.

А я нисколько не испугалась. Ну, хотя бы потому, что если бы маньяком был Ильдар, в студенческом фольклоре непременно отразилось бы, что этот самый маньяк – двухметровый дядька. Такую явную примету не замаскируешь.

Наш хохот еще долго раздавался в соснах и елях. А потом Ильдар вдруг стал серьезным, и снова заговорил про Уфу: про то, что ему одиноко здесь, что он безумно хочет увидеть родителей и друзей, который ждут его в родном городе, что он девушку свою не целовал уже два года.

Девушку? Какую девушку?

Я негодовала. А как же я? Я уже увлеклась, уже представляла, как мы целуемся под сосной, уже почти начала считать его своим парнем.

Так нечестно.

Нечестно.

Негодование вдруг трансформировалось в безудержную удаль – типа, где наша не пропадала. Я решила поцеловать Ильдара. Вот прямо на дорожке остановиться и поцеловать. Я сказала себе, что какая-то там девушка, которую он не видел два года, мне не соперница. Я видела, что нравлюсь ему. Мы великолепная пара. Аминь.

Я замедлила шаг, потом и вовсе замерла, а затем медленно повернулась к Ильдару и взяла его за руку. Мы смотрели друг другу в глаза, мой спутник улыбался.

Женское зрение устроено потрясающе хитрым образом. Можно смотреть мужчине в глаза и замечать при этом, что справа с куста вспорхнула синица, что слева парит в воздухе желтый лист, что вдалеке по кромке обрыва гуляет ребенок.

Ребенок?

Один в лесу?

Я повернулась лицом к реке.

С такого расстояния было невозможно рассмотреть лицо. Однако я видела, что это девочка, и почему-то не сомневалась, что девочка эта – Люба. Я не встречала еще Любу в верхней одежде, и не знала, есть ли у нее такая вот рыжая курточка, как у ребенка на обрыве. Однако в тот момент я была уверена, что это именно она, моя ночная подружка.

Вдруг Люба заблудилась? Кто разрешил ей гулять одной в лесу (пусть и в лесопарке)? А вдруг она нарвется на лесного маньяка?

– Ой, там дочка одной преподавательницы бродит. Нужно ее к маме отвести.

Я собиралась произнести именно это. Я даже рот открыла и успела сказать «Ой», когда ребенок вдруг споткнулся и скрылся из вида.

Я бросилась бежать к обрыву, не разбирая дороги. Кусты, трава, деревья – все мелькало перед глазами, сливалось в коричнево-зелено-желтый вихрь. Когда я очутилась, наконец, на том месте, где всего несколько секунд назад стояла Любочка, то почувствовала дикий ужас от мысли о том, что вот

сейчас мне нужно смотреть вниз – на покрытый корягами, торчащими из земли кольями и булыжниками склон.

Я зажмурилась, а потом медленно стала открывать глаза: решила, что, уж если я должна увидеть страшную картину, то пусть она сначала будет в виде расплывчатого пятна. Однако ужасное расплывчатое пятно не торопилась являться моему взору. Я широко открыла глаза – ничего.

– О-о-о-оль! – я не слышала, как сзади подошел Ильдар. – Что случилось?

– Девочка. Люба, – слабым голосом проблеяла я.

– Какая девочка? Кто такая Люба?

– Дочка одной преподавательницы из нашей общаги упала с обрыва. Только что. Я видела.

– Она, что, упала с крутого пятиметрового обрыва, а потом спокойно встала и побежала себе дальше?

– Я не знаю.

– Оль, речка вон как далеко. В речку покатиться она не могла. Просто сбежать с обрыва она тоже не могла – крутой он слишком, да и ноги переломать об эти кочки и коряги – раз плюнуть, – Ильдар «включил» логику и пытался разобраться в ситуации. – Тебе показалось. Это ж далеко от того места, где мы стояли. Куст ветром качнуло, или пакет может какой пролетел. Ты краем глаза увидела, вот и померещилось.

Я понимала: все, что он говорит, – единственное разумное объяснение. Однако я точно видела девочку. Не куст, не па-

кет, а девочку. Ладно. То, что это была Люба, – это я сама так решила. Я не видела лица и не знаю, в чем Люба гуляет на улице. Но все же это был никакой не куст... и не пакет.

– Может быть, – прошелестела я едва слышно.

Я решила сделать вид, что согласна с Ильдаром. Еще не хватало, чтобы он меня чокнутой считал.

Меня почему-то вдруг затошнило.

– Пойдем, пожалуйста, из леса, – попросила я. – Что-то мне нехорошо.

Мне пришло в голову, что я можно заглянуть в 905-ю комнату и узнать наверняка, все ли в порядке с Любой. Ведь необязательно рассказывать всю эту безумную историю с ребенком на обрыве. Разве я не могу просто навестить маленькую подружку?

Мы расстались с Ильдаром возле входа в мой общежитский корпус.

– Что-то ты бледная, – заметил он.

Потом слегка стукнул указательным пальцем по носу и прибавил:

Это был куст. Всего лишь куст... ну, или пакет.

И снова ни слова о следующей встрече.

Впрочем, в тот момент я отметила это про себя лишь походя: мысль мелькнула на задворках сознания и исчезла. История с ребенком здорово выбила меня из колеи. Я даже не стала заходить к себе на восьмой этаж.

Лифт не работал. Еще пару месяцев назад подъем на де-

вятый этаж по лестнице мне казался спортивным подвигом. Теперь я не видела в таком марафоне ничего сложного. Раз ступенька, два ступенька... ох.

Меня по-прежнему подташнивало.

Сначала я интеллигентно стучала кулачком в дверь комнаты 905. Потом барабанила, как мужик, вернувшийся домой после пьянки. Мне никто не открыл.

Поздно вечером, когда Ира и Лариса легли спать, я отправилась на кухню с учебниками. Я, в общем-то, уже приготовилась к следующему учебному дню, но решила еще раз порепетировать пересказ текста, повторить новые слова, почитать лексикологию к семинару.... Если честно, то я надеялась, что в кухню придет Люба, и мне не нужно будет больше волноваться.

Люба не пришла. Я сидела на подоконнике, обхватив колени руками, и пыталась пересказывать шепотом текст. Стоило скрипнуть двери в коридоре или голосу донестись с лестницы, я вытягивала шею и напряженно прислушивалась. В конце концов, я решила пойти спать. А может, в лесу у меня случилась галлюцинация из-за постоянного недосыпа?

Казалось, я отключусь, как только голова коснется подушки. Не тут-то было! Я крутилась и крутилась с боку на бок. Стоило мне закрыть глаза, как я видела ребенка в рыжей курточке. Он неловко спотыкался и падал, спотыкался и падал, спотыкался и падал: этот кадр, видимо, заклинило где-то в фильмохранилище моего мозга, и теперь он безостановочно

вочно воспроизводился с безжалостной монотонностью.

Я рывком поднялась на кровати, надела тапки и халат и на цыпочках вышла из комнаты. В любом случае можно рассказать все, как есть. Мол, мне показалось, что Люба упала с обрыва. Почему пришла ночью? Днем приходила, вас не было. Я волнуюсь и не могу спать.

За дверью, на которой были приклеены блестяще-облезлые букочки 905, стояла тишина. Впрочем, как и во всем студенческом общежитии.

Я постучала. Затем подождала немного и снова постучала. Никто и не думал отзываться.

Я чувствовала себя уставшей и разбитой, однако ни секунды не сомневалась, что уснуть все равно не смогу. Не понимаю, что на меня нашло, но я зачем-то взялась за ручку и попыталась открыть дверь. Она неожиданно легко поддавалась, и я шагнула в темноту комнаты 905.

Удивительно. Несмотря на полнейшую кашу в голове, в мозг время от времени прорывались здоровые структурированные идеи: я закрыла за собой дверь, потому что кто-нибудь мог появиться в коридоре. Вдруг Люба с мамой куда-нибудь уехали, а дверь забыли закрыть. А тут какая-то чокнутая в их комнате. Что она там делает?

Действительно, что я тут делаю?

Хоть глаз выкали. И не звука. Люба с мамой спят? Их нет в комнате? Может, действительно, Люба пропала, а мама ее ищет? Не в безумном ли волнении она оставила комнату от-

крытой?

Я уже почти решила включить свет, но потом представила, как все это будет выглядеть, если они все же в своих постелях.

Если Люба с мамой спят, то рано или поздно кто-то из них пошевелится во сне или вздохнет. Я продолжала стоять у самой двери. Глаза постепенно привыкали к темноте. Я уже могла определить, где именно стоят кровати.

Наверное, я никогда в жизни еще не оказывалась в более абсурдной ситуации.

Вздыхать или ворочаться никто не торопился. Я медленно на цыпочках двинулась к одной из кроватей. Сердце колотилось так громко, что я всерьез боялась разбудить не только Любу с мамой, но и их соседей.

Кровать оказалась пустой. Для пущей уверенности я подошла и к другой постели. Никого.

Я чувствовала себя препогано. Выжатая, как лимон. Измученная, как бурлак на Волге.

Я с тихим стоном прилегла на кровать, свернулась калачиком и....

Я не могла уснуть, точно не могла. Кто же станет спать в чужой комнате, вломившись туда в отсутствии хозяев? Но, тем не менее, только я прилегла, как мне вдруг стало комфортно и хорошо, радостно и спокойно. Вокруг меня струился мягкий приятный свет. Когда я успела встать? Я сидела в удобном кожаном кресле и печатала на компьютере.

Не просто печатала – творила. Сочиняла самую прекрасную в мире историю. Такую прекрасную, что, казалось, именно эта история источает обволакивающий меня приятный мягкий свет. Однако на самом деле свет шел из окна. Из большого окна во всю стену, как раз напротив моего письменного стола. За окном простирался безлюдный песчаный пляж. Оттуда доносился один из чудеснейших звуков Земли – шепот волн.

Я чувствовала себя так, будто долго-долго шла куда-то на каблуках, и вот, наконец, добралась, сняла туфли и блаженно вытянула ноги. Как будто сложился причудливый узор сложной мозаики.

Вдруг мягкий приятный свет погас. Эй! Разве кто-то может выключить свет за окном?

Я привстала. В 905-й комнате по-прежнему было очень темно. Я вскочила, расправила, как смогла впотьмах, покрывало на кровати, добралась до двери и осторожно выглянула в коридор. Никого.

Уже через пару минут я лежала в собственной кровати на восьмом этаже. Перед тем как закрыть глаза, я протянула руку к тумбочке, взяла сотовый и включила экран.

Батюшки святы! 01:05! Не может этого быть. Я смотрела на часы в телефоне, прежде чем уйти из комнаты. Я отчетливо помнила цифры – 01:01. Да какие там четыре минуты! Я с двадцать минут стояла у двери и потом дрыхла еще на чужой кровати неизвестно сколько!

Удивительно, что я заснула-таки после всех своих волнительных походов и спала без всяких сновидений до самого звонка будильника.

Я собиралась в университет и думала о ночном приключении как о нелепом сне. Не могла же я и в самом деле забраться в чужую комнату, чтобы прикорнуть на чужой кровати. Вот поразительно: ночная прогулка мне вспоминалась как нечто ирреальное, а мягкий приятный свет из выходящего на пляж окна – вполне реальным.

Я благополучно написала свой персональный диктант на доске. Я, конечно, и не ждала, что Эльвира скажет вдруг «Молодец», но ее реплика «Можно было и вовремя лексику выучить» меня разозлила.

– Я всегда учу лексику вовремя, – вырвалось у меня.

Знала же, что с Эльвирой пререкаться себе дороже. И кто меня за язык тянул.

– И именно поэтому ты, Перова, списывала вчера у своей соседки?

На, получи, Олечка, очередной презрительный взгляд. Может, это научит тебя благоразумию. Если человека постоянно опускать ниже плинтуса, то человек становится страсть каким благоразумным. Только вот тупеет почему-то.

Я не стала больше спорить с Эльвирой. День еще только начинался. Стоило побереечь позитивный настрой, оставить хоть на доньшке благодушия и хорошего настроения.

Я прямо как чувствовала, что силы мне еще понадобятся.

Они мнегодились уже на третьей паре. Как раз третьей парой в расписание стояла «Диалектика сознательного и бессознательного в структуре личности» – новый спецкурс, который, если верить Ире и Ларисе, должен был вести невменяемый преподаватель Ивашко. Нам предстояло встретиться с ним ровно 8 раз, а затем сдать зачет.

Перемена закончилась, и практически в ту же секунду открылась дверь в аудиторию, и вошел... Петр – тот самый Петр, от которого я сбежала в клубе. Я его сразу узнала: и эти густые усы, и немного нескладную длинную фигуру.

Он обвел группу глазами. Петр не остановил взгляд на мне, и я всем сердцем надеялась, что он меня не узнал. Препод поздоровался, представился Петром Евгеньевичем, сообщил, что зачет автоматом он ставит при условии посещения всех 8 семинаров и участия в обсуждениях.

Я выдохнула. Всего-то. Я непременно буду ходить на его занятия и как-нибудь на досуге подготовлю выступление по какой-нибудь теме.

Первые двадцать минут пары Петр (Петр Евгеньевич, хихи) диктовал нам теоретический материал. Бессознательное начало, сон, бодрствование, Фрейд, ну и все такое. Затем он попросил нас пересказать один из своих снов и попытаться проанализировать, почему бессознательное продемонстрировало именно эти образы.

По-моему, сны, а уж тем паче их интерпретация, – это не то, что стоит обсуждать со студенческой группой. Я, как

в старые добрые школьные времена, опустила голову и стала представлять, как благодаря усилию воли я превращаюсь в невидимку.

Петр уселся за стол, придвинул к себе наш журнал и журнал 204-й группы. Он внимательно изучил оба списка, а затем произнес:

– Начнем, пожалуй, с Оли Перовой.

Я гадала, случайность ли это. Может, узнал-таки. Я единственная Оля на обе группы. Неужели запомнил и меня, и имя?

Я встала. Не помнила я никаких снов. Вот только тот, что привиделся мне в 905-й комнате – тот, да, помнила, разумеется. И почему это я должна свои сны рассказывать? С другой стороны, я понимала, что, если отказываться отвечать на семинаре, то не видать мне зачета автоматом. Тогда придется дополнительно с Петром встречаться, и неизвестно, не припомнит ли он мне мой побег.

Я рассказала про мягкий приятный свет, море и компьютер на столе. Про самую прекрасную в мире историю, которую я писала в этом самом сне, я говорить не захотела.

– Как ты, думаешь, Олечка, что пыталось сообщить тебе бессознательное?

Я подумала: «Наверное, что я хочу, чтобы в моей жизни было свободное пространство и много света (в прямом и переносном смысле), чтобы на меня никто не давил, чтобы я занималось, тем, что мне действительно нравится делать».

– Наверное, что я устала от серой осени и хочу к морю, – произнесла я вслух с улыбкой.

– Может быть, может быть, – задумчиво проговорил препода. – Но убежать от непривлекательной действительности не всегда удается.

Я похолодела. Это он, что, угрожает?

Я все еще оставалась в ступоре, когда закончилась пара, и наша группа побрела в другой кабинет. Вот только проблем с зачетом по какому-то несчастному спецкурсу мне не хватало.

В коридоре я прошла мимо подпирающего стенку Ильдара и даже не заметила его.

– Слона-то я и не заметил, – громко процитировал строчку из басни Крылова мой двухметровый знакомый.

Я обернулась и засмеялась.

– Ты как вообще? – спросил Ильдар. – Ты вчера бледная такая из леса вышла. Оклемалась?

Я молчала. Как ни крути, но мой рассказ, о том, как я проникла в чужую комнату, – настоящий бред. Потом можно добавить, что я сбежала в клубе от похожего на маньяка мужика, а он оказался моим преподам. И все. Ильдар отойдет в сторонку, опасливо посматривая в мою сторону, и наберет по сотовому номер дурки.

– Я нормально вообще, – ответила я, наконец. – Уже в полном порядке.

Мы поболтали еще немного в коридоре, и я побежала

на пару. Опоздать на языкознание – это еще хуже, чем прекаться с Эльвирой. Похожая на божий одуванчик Маргарита Федоровна имела обыкновение орать на провинившихся студентов так, что те полностью теряли дар речи. Прямо колдовство какое-то – божий одуванчик на раз, два, три превращается в разъяренного бульдога.

Пары закончились, я вышла из университета и прямо-таки размякла под лучами ласкового солнца. Нетипичное состояние для перевалившейся на второй бок престарелой клуши-осени. Обычно она только и знает, что хлопает носом.

Я села на скамейку под ивой за памятником Думающему человеку.

Я размышляла.

Он точно от меня без ума. Разве будет парень волноваться о том, что девушка бледная, если она ему до лампочки? Я считала, что еще немного, и он признается в любви.

Я мечтала, как мы поедем с Ильдаром на выходные в мой родной город, и я покажу ему наш старинный парк и речку, и мою школу. Впрочем, больше там показывать и нечего.

Я замерла и прислушалась к себе. Все эти мысли... От них не замирало сердце, не щемило в груди, не перехватывало дыхание... Что там еще говорят про любовь? Никаких бабочек в животе. Но может и не бывает никаких бабочек?

Однако мне нравился Ильдар. Даже очень. Мне не терпелось узнать, каковы они на вкус, его улыбчивые губы.

12

После занятий я снова постучалась в 905-ю комнату и снова безрезультатно. Однако вечером этот камень наконец-то свалился с моей души.

В полночь я снова зависла в кухне с учебником в руках. Когда в коридоре раздались шаги, я зажмурилась и изо всех сил пожелала, чтобы это оказалась Люба. Однако в кухню вошла Настя. Оказывается, ей не спалось, и она решила прийти посмотреть, вдруг и я тоже не сплю.

Я спросила, давно ли она видела Любу, и Настя ответила, что повстречала ее на лестнице буквально три-четыре часа назад. Я громко выдохнула. Настя вопросительно посмотрела на меня, но я соврала:

– Ее так долго не было видно. Я подумала, может, она заболела.

Настя кивнула, а потом вдруг поинтересовалась, сколько лайков к этому часу набрала моя статья. Я ответила, что не знаю. Со всей этой кутерьмой я и забыла про статью.

Настя предложила посмотреть. Пришлось на цыпочках пробираться в темноте к собственной тумбочке, вытаскивать нет-бук и искать флешку в моем бардаке при свете от экрана телефона.

Пока я несла нет-бук на кухню, я все думала: вдруг у Насти хроническая бессонница, с которой она не может спра-

виться. Ну, вроде одного из симптомов маниакальной депрессии. Недаром же препод по культурологии на первом курсе нам сказал, что иняз занимает первое место в области по количеству сбрендивших студентов. Хотя, может, Насте и вправду было интересно, сколько лайков моя статья набрала.

Как только я открыла Вконтакте, то сразу заметила единичку возле графы «Сообщения». Я решила, что прочитаю его потом, и отправилась на страницу «Практической психологии». С тех пор как я заходила туда в последний раз, модератор группы уже разместил много нового материала. У меня даже палец устал тащить бегунок вниз.

Настя присвистнула.

– 2948 – нехило. Ты молодец. Напиши еще что-нибудь. С меня первый лайк.

Я пообещала – как только что-нибудь путевое придумаю, обязательно напишу.

Я думала, что вот сейчас Настя пойдет к себе в комнату, а я прочту сообщение. Однако она и не думала уходить. Пристроилась рядом со мной и смотрела в нет-бук.

Вдруг и вправду маниакальная депрессия?

Женское любопытство – страшная вещь. Я не выдержала и открыла все-таки сообщение. Настя деликатно отошла от стола.

Теперь наступила моя очередь свистеть от удивления.

– «Практическая психология» предлагает мне писать им

по статье в неделю за деньги. Не бог весть какие, но все-таки.

– Клаас! – восхитилась Настя так горячо, будто речь шла не о группе Вконтакте, а о крупном столичном издательстве.

Мы еще немного поболтали, но мне уже не терпелось начать обдумывать новую статью для «Практической психологии». Я сослалась на желание спать, ушла в комнату, улеглась, закрыла глаза и стала перебирать в уме темы, которые могли бы заинтересовать пользователей ВКонтакте.

Может быть: «Нужна ли уверенность в том, что ты по-настоящему влюблена, для того чтобы вступить в романтические отношения»? Разумеется, статья не будет иметь такое громоздкое название. Обзову ее так: «Бабочки в животе. Быть или не быть».

Итак, бабочки... Перед моим мысленным взором принялись метаться крылатые насекомые. Синие, белые, желтые, с причудливыми узорами на крыльях. Почему-то их становилось все больше и больше, больше и больше. Я чувствовала омерзительные прикосновения множества тонких лапок и жестких, навевающих мысли о похоронном саване, крылышек.

Не помню, чем закончилась встреча с отвратительным ро-ем (с детства ненавижу бабочек). Потом, кажется, были еще невесть откуда взявшиеся бараны. В конце концов, из мутного марева шизоидных сновидений меня выдернуло треньканье установленного на телефоне будильника.

Пятница.

Я собиралась успеть на двухчасовую электричку. Во-первых, закончились деньги и продукты. Во-вторых, мама звонила на неделе, и просила приехать. Соскучилась и все такое.

Сразу после пар я рванула на вокзал. В электричке стоял невообразимый гвалт. Успеть на два домой – такая идея, судя по всему, пришла в голову не только мне, но и сотне-другой иногородних студентов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.